КРИМИНАЛЬНЫЙ РОМАН XX ВЕКА

ДЖЕЙМС ХЭДЛИ ЧЕЙЗ

ХОТИТЕ ОСТАТЬСЯ В ЖИВЫХ?

Криминальный роман XX века

Джеймс Хэдли Чейз

Хотите остаться в живых?
(перевод с английского)

СП "Совинтурс" 1990

Ч $\frac{4804000000\text{-}00}{950(02)\text{-}90}$ 4 Без объявления

ISBN 5-85087-004-0

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Они не спали и двух часов, когда Маг вдруг открыла глаза. Она поднята голову, опираясь рукой на рюкзак, служивший ей подушкой, и ошеломленно стала оглядывать незнакомую комнату, заполненную лунным мерцающим светом.

В пыльных гардинах на окнах шевелились мокрицы и гигантский паук, который так же шевелился в своей паутине.

— Жуткое место, — сказала она Чаку, когда они влезли сюда. — Тут должны быть привидения.

Но у Чака отсутствовало воображение, и он прикрикнул на нее:

— Ну и черт с ними! Мы оставим им достаточно места, могут записываться к нам в компанию. Все, что угодно, только не эти москиты.

Они забрались в брошенный дом, и это была их первая ночь под крышей с тех пор, как они оставили Верхнюю дорогу. Деньги у них кончились вскоре после того, как они вышли из Гоулда — города, где они работали на сборе картофеля. Чак хотел поступить куда-нибудь на консервную фабрику, но его не приняли.

Его длинные, до плеч, сальные волосы, борода и запах, который шел от него, не делали его слишком привлекательным.

Покинутый дом стоял в рощице пальм, магнолий и диких слив. Это был южный дом: с верандой и колонками терас. Двухэтажный дом, дом богатых людей, бывший в свое время настоящим родовым гнездом.

Маг пыталась было возражать, когда Чак ударом ноги распахнул двери, но тот велел ей заткнуться и без всяких церемоний втащил ее за руку в пыльную темноту.

Они решили спать на втором этаже, так как там еще были окна и на них сетки от москитов.

Лунного света, проникающего в комнату через жалюзи, было вполне достаточно, чтобы распаковать рюкзак. Когда они осматривались, поднимаясь по широким лестницам, то Маг представила себе толпу поклонников, ожидающих выхода хозяйки дома — всюду свет, а она стоит на верхней ступеньке и сверкает глазами.

Разумеется, она не сказала об этом Чаку, он бы только высмеял ее фантазии. Чак жил только сегодняшним днем,

будущее ему представлялось туманным и далеким...

Вдруг проснувшись, она привстала, откинула со лба прядь волос, тоже давно не мытых, и стала слушать.

Дом, казалось, ожил. Ветер с залива слегка раскачивал деревья, за отклеившимися обоями шуршали крысы. Послушав некоторое время эти ночные шорохи, Маг попыталась снова заснуть. Она взглянула на Чака — тот спал, лежа на спине. Рот у него был открыт, клок грязных волос закрывал лицо. Даже с того места в углу, где она лежала, чувствовалось, как от него воняет, но это ее не трогало. Они вымоются оба, когда доберутся до океана, вот и все.

Маг оглядела комнату, вытянув длинные ноги, и погладила свои полные груди. Они слегка вспотели под тонким рваным свитером.

Теперь она привыкла к грубым сторонам жизни. Это имело много преимуществ: в конце концов, она могла делать что угодно и с кем угодно. А для нее это значило многое, если не все!

Маг вспомнила отца, маленького коммивояжера, и вечное равнодушие матери. До семнадцати лет она жила вместе с ними. Но еще в четырнадцать решила, что в подходящий момент смоется из дома, подальше, в иной, ей незнакомый мир. Эта жизнь — средних, довольных собой — нет, ни за что! Но до встречи с Чаком она не решалась на активные действия. Он был старше ее на четыре года.

Как-то Маг пошла в кино одна, что было необычно для нее, ведь у нее всегда были мальчики. Но в этот вечер ей хотелось побыть одной. Она сказала дома, что идет в кино с Ширли. Ей всегда нужно было говорить дома, с кем она идет в кино, и она всегда лгала, зная, что они всегда слишком равнодушны к ней и не станут проверять. Они просто поверят ей на слово.

Даже когда Маг действительно встречалась с Ширли, она говорила дома, что идет с Эдной. Ей это нравилось: врать отцу и матери.

Маг казалось, что они даже не слышат того, что она им говорит. Ей хотелось, чтобы они один-единственный раз пробурчали ей что-нибудь кроме обычного: "Душечка, не задерживайся поздно и повеселись". А что бы они сделали, если бы услышали от нее, что она идет в кино с Френком Синатрой?

Фильм тогда был паршивый, и Маг ушла с середины сеанса. Как только она вышла из зала и вдохнула теплый летний воздух, ей сразу стало ясно, что еще идти домой рано, а делать на улице нечего. Ей было противно тащиться домой и смотреть с родителями телевизор.

— Ищешь мальчика? — услышала она неожиданно голос.

Чак вышел из тени деревьев и остановился рядом с ней. Маг посмотрела на его с одобрением. Она уже прошла обычную школу тинайджеров (подростков) и знала на практике, что делают с мужчиной, но она еще не потеряла девственность. Ей нравилась борьба на задних сиденьях в темных машинах, когда она держала ноги крепко сжатыми и скрещенными, подчиняясь всему, что с ней делали, кроме коленей, которые пытались раздвинуть...

Ей сколько раз внушали дома, чтобы она остерегалась незнакомых мужчин, и это ей надоело.

Маг смущенно почувствовала мужскую силу Чака, и ноздри у нее затрепетали. У него была своеобразная внешность. Он был приземист, плотен и хорошо сложен. Его длинные рыжеватые волосы и борода понравились ей. Лицо его было привлекательным, и в нем чувствовался задор вожака.

Маг вспомнила, как они подошли к океану и стали плавать голыми. Он так просто относился к своей наготе, что у нее пропал всякий стыд на этот счет. И она тоже перестала обращать внимание на свое тело.

Когда они пришли на берег, он сказал:

— Поплаваем? — и сорвал с себя старые джинсы.

Прежде чем до нее дошло, что он голый, он уже бросился в воду. Маг колебалась секунду, а потом тоже сбросила с себя всю одежду и последовала за ним... После плавания она подчинилась его натиску...

Ее первый опыт в сексе и потеря девственности привели ее в экстаз. Несмотря на множество недостатков, Чак знал, чего хотят женщины и что с ними надо делать.

— Ты мне нравишься, — сказал он, лежа с ней рядом на песке, опустошенный и, видимо, довольный. — У тебя есть деньги?

Маг пришлось скоро понять, что секс и деньги — единственное, что его интересовало в жизни. У нее было триста долларов — те подарки, которые дарили ей богатые родственники. Она не тратила их несколько лет, собирала на "черный день", как говорила ее мамочка. Это не был "черный день", но подумаешь! Ей-то что?

Чак сказал, что он думает податься во Флориду. Он хотел позагорать. Разумеется, он нигде не работает. Когда кончаются деньги, он берется за работу, за любую работу, а когда накопит достаточно, он сматывается куда-нибудь в другое место. Эта жизнь ему нравится, и Маг поверила, что лучше жизни и не может быть. С тремя сотнями они смогут жить вдвоем, может, и она поедет с ним?

Этого ей только и нужно было. Она нашла настоящего мужчину, которому нравится и который хотел делать то же, что и она, то есть быть свободным! Он сильный, уве-

рсный, беспощадный, а то, что он сделал с ней, — это было чудесно! Маг больше не раздумывала. Они договорились встретиться днем на автобусной остановке.

На следующее утро, когда мама отправилась за покупками, Маг собрала вещи, взяла еще пятьдесят долларов, которые отец отложил на "черный день", и навсегда ушла из дома.

Деньги кончились быстро — Чак любил играть. К нему пристали двое юнцов, и они быстро спустили деньги. Когда Маг заикнулась о том, что нужно остановиться, один из мальчиков, глядя на ее ноги, фыркнул:

— Чак, ты терпишь женские попреки?

Чак замахнулся, и она очутилась на полу, в луже крови из разбитого лица.

Когда Маг поправилась, у них не осталось ни гроша, а юнцы растворились во мраке.

— А на что, по-твоему, деньги? Заткнись! Деньги есть всегда.

Вот все, что она от него услышала.

Потом они устроились на плантацию собирать апельсины и, получив по тридцать долларов, отправились в Майами. Эти деньги тоже скоро кончились, и Маг была голодна. И вот теперь они уже не ели двенадцать часов. Последний раз это были сосиски с куском хлеба, но Маг ни о чем не жалела. Эта жизнь — быть грязной, голодной, бездомной — лучше, чем жить в уютном домике-тюрьме, где правят ее родители.

"Ладно, завтра что-нибудь подвернется", — думала Маг.

Она верила в Чака. Но снова заснуть, успокоенная этой мыслью, она не смогла, хотя и пыталась это сделать. Ей что-то мешало.

Кто-то был в соседней комнате! Маг услышала скрип кожаной обуви, и сердце ее замерло от ужаса. Дотянувшись рукой до спящего Чака, она потрясла его:

— Чак!

Он застонал, отбросил ее руку и повернулся на бок. Но она не отставала:

— Чак!

— Черт бы тебя побрал!

Он сел. От него запахло так, что даже привыкшая к нему Маг сморщила нос.

— В чем дело?

Она схватила его за плечо и ощутила, как под ее рукой перекатываются крепкие мышцы, и ей стало не так страшно. Она очень верила в его силу.

— Слушай...

Он вскочил на ноги. Неслышно ступая, он подкрался к

двери и распахнул ее. Маг видела лишь его широкую спину. Звук его шагов и его спокойствие окончательно разогнали все ее страхи. Послушав некоторое время, Чак вернулся обратно.

— Ты права. Там, внизу, кто-то есть. Может быть, коп?

— Коп?

Чак ее не слушал. Он достал что-то из бокового кармана и сунул ей.

— Положи себе в брюки. Если это коп, то он не должен найти у меня это.

— Что это?

— Нож! Глупая...

Он подошел к двери и тихо открыл ее. Маг слышала, как он спустился по ступенькам. Она долго смотрела на костяную рукоятку ножа с хромированной кнопкой и нажала ее пальцем.

От неожиданности она вздрогнула, когда пять дюймов стали вылетели ей прямо в лицо. Она не знала, как убрать лезвие обратно, и, встав, сунула нож за оборванные клочки обоев.

Потом она спустилась к Чаку. Он махнул ей рукой, чтобы она не шумела. Теперь они оба стояли рядом. Маг слышала только стук собственного сердца, так тихо было вокруг.

— Я иду, — сказал Чак.

Она схватилась за него. Его запах больше не отталкивал ее.

— Нет, нет! — прошептала она.

Она вдруг поняла, что этого достаточно, чтобы он не ходил туда, и что в глубине души он тоже испуган. Маг разочарованно отодвинулась от него.

Темная фигура вошла в комнату. Они увидели красный огонек сигареты, и тело Чака словно обмякло. Кто бы не был этот пришелец, но полицейским он не был — это точно. Полицейские на работе не курят!

— Кто тут? — спросила фигура.

Голос его, как показалось Маг, был несколько хрипловат.

Яркая вспышка света ослепила их. Они стояли рядом, разом утратив зрение и слух, ошеломленные этим неожиданным ударом света.

— Нож! — прошипел ей на ухо Чак.

Маг отодвинулась и бросилась к куче обоев, схватив нож за рукоятку.

— Я увидел, что дверь открыта, и вошел, — снова раздался голос незнакомца.

Влажные пальцы Чака плотно обхватили рукоятку

ножа.

— А теперь выйди! — медленно сказал Чак. — Мы первые сюда пришли. Брысь под лавку, у тебя блохи!

— Места тут хватит всем, — спокойно ответил незнакомец. — Разве не так? У меня есть еда, а я не люблю ужинать один.

Маг почувствовала, как у нее забурчало в животе, а рот моментально наполнился слюной. Она сжала локоть Чака. Тот понял. Он тоже хотел есть.

— Я думал, что ты коп. Заходи...

Человек вошел, сгибаясь под тяжестью рюкзака. Поднимаясь по ступенькам, он подсвечивал себе фонариком.

Чак втолкнул Маг в комнату и встал к стене, закрывая ее собой и смотря на пришельца. В темноте он разглядел только то, что тот на голову выше его, но более худой и стройный, да и плечи у него не такие широкие.

"Не слишком силен", — решил он про себя и расслабил мускулы.

— Давай-ка посмотрим на тебя, — сказал Чак своим грубым басом. — Дай мне фонарь!

Пришелец был индеец-семинол: черно-синие волосы, темная кожа, высокие скулы и узкие темные глаза. На вид ему можно было дать года двадцать три — двадцать четыре. Он был по-своему красив, но его ничего не выражающее лицо, полное спокойствия, производило гнетущее впечатление.

Одет он был в желтую, с белым горошком, рубашку, темно-голубые бриджи, а смуглые ноги были засунуты в версвочные туфли. Он спокойно стоял под лучом фонарика, давая разглядеть себя в этом ярком свете.

— Ты кто? — резко выдохнул Чак, опустив руку.

— Меня зовут Ленивец Тохола. А тебя?

— Чак Рочерс... Это моя девушка, Маг.

— Давайте поедим.

В животе у Маг бурчало так, что было, видимо, слышно и ночному пришельцу. Тохола опустил на пол рюкзак, достал две свечи, которые зажег и поставил на пол. Затем убрал фонарик и достал жареную курицу и несколько ломтей ветчины из прозрачного пакета, а потом хлеб.

— Эй! Откуда это? — У Чака округлились от удивления глаза.

Он уже не помнил, когда в последний раз ел курицу.

Тохола посмотрел на него:

— А тебе какое дело?

Уверенным движением он разделил курицу на три равные части, потом ножом с костяной ручкой разрезал хлеб. Они начали есть.

Взгляд индейца изредка обращался к Чаку, а потом

убегал куд
Посв
— Ох,
Индеец
— В Па
— В Ма
Они пр
— У теб
Он сиде
— Найд
— Дума
не любят бр
— А я ра
— А то н
Маг всхл
немедленно
жом. Но тот
— Уж лу
помолчал, а
— Мне не
Чак заин
Индеец к
— А сколь
наберется?!
— Завтра
Дыхание
— Машин
Индеец по
— Что-ни
нужна машина
— Господи
го. — А почему
нас до Парадиз
Слушая все
какого-то индей
не просит, тот н
— А зачем
индеец.
— А что ты
тебе составим ко
Индеец встал
наты, подальше
— Ты оглох?
го не терпишь!
— Я подумаю
они стоят денег, —
Чак и Маг об
повернулся к ним

убегал куда-то в угол. На Маг индеец не смотрел.

Посв, Чак откинулся на спину:

— Ох, здорово! А куда ты идешь?

Индеец достал пачку сигарет:

— В Парадиз-Сити. А ты?

— В Майами.

Они прикурили от свечи.

— У тебя есть работа? — спросил индеец.

Он сидел скрестив ноги и положив руки на колени.

— Найду...

— Думаешь? — он посмотрел на Чака. — Полицейские не любят бродяг.

— А я разве похож?

— А то нет? Ты грязный и от тебя несет.

Маг всхлипнула от ужаса. Она была уверена, что Чак немедленно кинется на этого индейца и прикончит его ножом. Но тот остался сидеть на месте.

— Уж лучше быть вонючим, чем копить деньги. — Он помолчал, а потом добавил: — А ты добудешь работу?

— Мне не надо.

Чак заинтересовался этим:— Значит, ты при деньгах?

Индеец кивнул.

— А сколько у тебя? И десяти долларов, наверное, не наберется?!

— Завтра куплю машину.

Дыхание Чака стало прерывистым.

— Машину! Какую?

Индеец пожал плечами.

— Что-нибудь подешевле. Подержанную. Мне просто нужна машина...

— Господи! — Чак некоторое время смотрел на него. — А почему бы нам не объединиться? Может, довезешь нас до Парадиз-Сити, а?

Слушая все это, Маг поражалась, что Чак стал просить какого-то индейца. Но, подумав, решила, что он прав: кто не просит, тот ничего и не получает, так она решила.

— А зачем нам объединяться? — после паузы спросил индеец.

— А что ты теряешь? Чего хорошего быть одному? Мы тебе составим компанию.

Индеец встал, пронес свой рюкзак в дальний угол комнаты, подальше от них, и стал располагаться на ночлег.

— Ты оглох? — спросил его снова Чак. — Ведь ты ничего не теряешь!

— Я подумаю... А сейчас я хочу спать. Погаси свечи, они стоят денег, — сказал индеец, растягиваясь на полу.

Чак и Маг обменялись быстрыми взглядами, а индеец повернулся к ним спиной и положил голову на рюкзак. Маг

дула свечи. Стало темно, и только мерное, спокойное дыхание индейца нарушало тишину. Казалось, он заснул.

Скоро и Маг уснула. Теперь она была сыта. Она даже стала легонько посапывать. Но Чак не спал, он напряженно вглядывался в темноту. Он думал, не издевается ли над ним индеец. Есть ли в действительности у него деньги? Если есть, то они должны быть у него с собой — в кармане или в рюкзаке. Он даже вспотел при мысли о деньгах. У парня, должно быть, никак не меньше двух-трех сотен. Чертов краснокожий с тремя сотнями в кармане!

Это сводило его с ума! Короткие, толстые пальцы Чака сжались вокруг рукоятки ножа. Простое дело! Он только прокрадется через комнату и ударит его один раз. Да, одного раза будет вполне достаточно.

Чак не был новичком в таких делах. Это в первый раз убийство кажется чем-то сверхъестественным, а у него на счету было уже два. Подумаешь, еще одно! Ну и что?

Затем он вспомнил про Маг и поморщился. Ему не стоило с ней связываться. Но теперь она не станет ему мешать, но и помогать, видимо, тоже не будет. Чак еще сильнее сжал нож. Три сотни! Ну и пусть! Если она поднимет крик, он и ее прикончит, а потом смоется отсюда прежде, чем найдут их трупы. Если найдут еще...

Он вытер потное лицо тыльной стороной ладони. Да, так будет правильно. Но нужно выждать. У этого парня, наверное, хороший слух. Потом, когда он расслабится... тогда самое время.

Голос индейца, казалось, приковал Чака к полу.

— Я сплю очень чутко и у меня есть оружие. — Он помолчал, а потом продолжил: — Утром мы все обсудим, а пока спи.

"...У меня есть оружие!"

Руки Чака разжались. Этот подонок просто читал его мысли.

— Ладно, заткнись! — рявкнул он в ответ. — Я сплю. Поговорим утром...

Вскоре Чак и вправду заснул.

На завтрак Тохола достал еще ветчины и фляжку кофе. Они поели молча, и Маг видела, что индеец все поглядывает на Чака. Глаза его светились, а губы сжимались, он все время о чем-то раздумывал.

Когда они кончили завтрак, Чак кротко спросил:

— Ты подвезешь нас, когда у тебя будет машина?

Индеец достал из рюкзака походную бритву. Подкрутив пружину, он стал бриться, не обращая на Чака внимания.

Чак стиснул кулаки, его лицо покраснело от прилива крови.

— Ты слышал, что я сказал?

Тохола посмотрел на него и продолжал бриться. Закончив, он спокойно сказал:

— Я еще думаю.Он вычистит бритву, убрал ее и, достав кусок мыла и полотенце, повернулся к Чаку:

— Через дорогу есть канал. Ты идешь?

Чак замер. Вот он, его шанс! Подальше от Маг... Он убьет этого парня и скажет ей, что он утонул, Она, разумеется, не поверит, но и свидетелем ей быть не придется.

— Конечно, я иду!

Он пошел следом за индейцем, но вдруг остановился и выпалил:

— Я сейчас, только возьму полотенце!

Лицо индейца осталось бесстрастным, когда он взглянул на Чака и сказал:

— Пусть она не сустся в рюкзак. Деньги при мне...

Чак вернулся в комнату, покраснев от гнева. Он нашел свое полотенце, похожее на тряпку. Маг спросила его:

— Он берет нас, да?

— Черт возьми! Да я [illegible] еще не знаю! — рявкнул он на нее.

Спускаясь по тропинке, он думал:

"Я его прикончу в воде. На мне не должно быть крови. Колсном на горло, а потом [illegible]".

Они подошли к каналу. Вода просвечивала на солнце до дна. Вдалеке была видна дорога № 27, на Майами. В этот ранний час движения на дороге почти не было. Чак снял свою рубашку и расправил мускулы, чувствуя себя очень сильным. Индсец отошел в сторону. На его узком поясе висел пластиковый кошелек. Глаза у Чака удивленно округлились, когда он увидел смуглое тело. Он никогда еще не видел у мужчин такого сложения: хорошо тренированные упругие мышцы ходили под тонкой смуглой кожей при каждом движении. Казалось, тело было отлито из гибкой стали, и Чак почувствовал неуверенность. Этого индейца голыми руками не возьмешь! Он сунул руку в карман, где был нож.

Чак наблюдал, как индеец вошел в воду и поплыл, делая короткие сильные гребки. Повернувшись к воде спиной, Чак обвязал бедра эластичным бинтом и сунул за него нож. Затем сбросил джинсы и тапочки и нырнул в воду. Он плавал плохо и особенной уверенности в воде не чувствовал. Чак стал кружить вокруг индейца, выжидая удобного момента. Тот повернул к нему голову.

— Здорово?

— Да, — хрипло ответил Чак.

"Пояс надо успеть снять раньше, чем тело пойдет ко дну", — подумал Чак.

Они были рядом, когда индеец вдруг нырнул. На том месте, где он только что был, остались лишь пузырьки воздуха.

Выругавшись про себя, Чак стал посматривать вокруг. И вдруг он почувствовал, как чьи-то стальные пальцы схватили его за ноги и утащили под воду. Чак стал захлебываться, начал вырываться. Вдруг пальцы отпустили его, и он вынырнул, отфыркиваясь и отплевываясь.

Когда наконец Чак пришел в себя и осмотрелся вокруг, то увидел, что индеец отплыл далеко в сторону, а нож, который был у него в поясе, исчез.

Чак поплыл за ним следом. Он хотел только одного — догнать этого смуглого, спокойного негодяя и... Но Тохола очень просто утер ему нос. Чак еще только подплывал к берегу, когда индеец сидел уже на траве.

В приступе ярости Чак стал наступать на индейца, ревя, как бык, нагнув короткую шею и сжав пальцы в кулаки. Тохола откинулся назад и, когда Чак упал на него, он схватил его за ступню и стал выкручивать ее. Теперь уже Тохола сидел на Чаке верхом.

Его колено уперлось Чаку в шею, и Чак увидел в руках индейца свой собственный нож. Острое, как бритва, лезвие коснулось его шеи. Чак икнул. Он смотрел со страхом в блестящие черные глаза индейца и чувствовал, что сейчас тот его прирежет, как поросенка или курицу.

Тохола рассматривал его, время от времени покалывая ножом.

— Хотел меня убить? — мягко спросил он. — Не ври! Говори правду!

— Я хотел денег, — прошипел Чак.

— Так хотел, что даже пошел бы на убийство?

Они смотрели друг на друга, потом индеец встал и отодвинулся. Чак медленно поднялся. Его поташнивало, он был таким потным, что капли пота даже падали с носа.

— Хотел мои деньги? Возьми, если сможешь! — Он похлопал себя по поясу. — Двести двадцать долларов.

Тохола еще раз взглянул на нож, провел пальцем по лезвию и протянул его Чаку:

— Возьми!

Теперь Чак смотрел на индейца. Его сверкающие глаза и темная, поблескивающая, как змеиная чешуя, кожа, испугали его. Он растерялся. Нож выскользнул из его пальцев и упал в траву.

— Ты не глуп. Пойди и помойся, от тебя воняет...

Трусливо отвернувшись, Чак взял кусок мыла, протянутый ему индейцем, а затем вошел по колено в воду. Ког-

да он вымылся,
индеец кивнул
они закурили.
смотрит на удав
— Мне нужен
меня прикончил
чи — ты сколько
Чак облизну
вспомнил укол но
— Ты живеш
лодный, вонючий
меня! Когда мне
му что украл брит
Украл я и эти
рам. — Две сотни
шине, и я его при
Я ему только пока
Это же просто! С
повернулся к Чаку
Чак этого не
что от этого пар
уверен, что индее
У Чака потухл
— Расскажи о
мо в глаза, — но
смогу тебя исполь
— Меня?
Теперь у Чака
Две тысячи доллар
его. Уверенный, что
крытую. Он призн
читать, но писать —
семь лет он был вож
газинах. Мать его
вырос, он был свод
цейские, и в восеми
коп, был грозой в
пристукнул его жел
лет он пришил еще
нравившейся Чаку.
Тело его было ски
его был построен н
плохо — он нашел
Она оставила ему с
ничать. Так он бр
некоторое время в
ся, и хотел плевать
Чак бросил окуро

да он вымылся и отскреб более или менее свое тело, индеец кивнул ему. Чак влез в свои старые джинсы, и они закурили. Теперь Чак смотрел на него, как кролик смотрит на удава.

—Мне нужен парень. Такой, что плюет на всех. Ты бы меня прикончил за две сотни долларов, а за две тысячи — ты сколько убьешь?

Чак облизнул губы. Этот парень явно не в себе. Он вспомнил укол ножа в горло и поморщился.

— Ты живешь точно шелудивая собака — грязный, голодный, вонючий, — продолжал Тохола. — Ты смотри на меня! Когда мне что-то нужно, я это беру. Я бреюсь, потому что украл бритву. Я украл курицу и ветчину в магазине. Украл я и эти деньги. — Он похлопал себя по бедрам. — Две сотни! А знаешь как? Меня подвез один на машине, и я его припугнул. А когда люди боятся, они платят. Я ему только показал пистолет, и он тут же раскошелился. Это же просто! Страх открывает двери и кошельки. — Он повернулся к Чаку: — У меня есть формула страха.

Чак этого не понял. Единственное, что он понял, что от этого парня надо держаться подальше. Он был уверен, что индеец сумасшедший.

У Чака потухла сигарета, и индеец дал ему прикурить.

— Расскажи о себе, парень, — индеец смотрел ему прямо в глаза, — но не ври. Поверю, ты мне подойдешь. Я смогу тебя использовать.

— Меня?

Теперь у Чака была уверенность, что индеец не шутит. Две тысячи долларов, обещанные им, словно заворожили его. Уверенный, что терять ему нечего, Чак заговорил в открытую. Он признался, что почти неграмотен. Он может читать, но писать — нет. Он не знает, кто его отец. В восемь лет он был вожаком шайки детей, которые крали в магазинах. Мать его была проституткой. Потом, когда Чак вырос, он был сводником. Его всегда преследовали полицейские, и в восемнадцать лет он убил копа. Этот парень, коп, был грозой всего квартала, и он дрался с ним и пристукнул его железным прутом от лестницы. В двадцать лет он пришил еще одного парня, который жил с девкой, нравившейся Чаку. Они дрались на ножах, и Чак убил его. Тело его было скинуто в бетономешалку, и на костях его был построен новый телецентр. Мать Чака кончила плохо — он нашел ее однажды с перерезанным горлом. Она оставила ему сотню долларов, и он пошел бродяжничать. Так он бродяжил уже год, останавливаясь на некоторое время в разных местах. Он жил, как живется, и хотел плевать на все!

Чак бросил окурок в канал.

— Это подойдет тебе?

— Ты убил двоих... — Тохола посмотрел на него. — Если пойдешь со мной, надо будет убивать еще. Это тебя не путает?

— Я не хочу сломать себе шею даром. Ты говорил о деньгах.

— Это будет твоя доля.

— А что за дело?

— Это я обдумывал несколько месяцев. Идея пойдет в ход, но мне нужны верные люди. Что это у тебя за девчонка? Я могу взять и ее.

— Эта? Она убежала из дома. Она добрая овечка, а больше о ней я ничего не знаю.

— Я могу взять и ее, — задумчиво повторил Тохола.

Глаза Чака сузились, и он покачал головой.

— На мокрое дело она не годится.

— Мне нужна девочка. Это часть моего плана. Ей можно доверять?

— Откуда я знаю? Я вообще не знаю, что у тебя за идеи... Что это за дело?

Блестящие глаза индейца все еще смущали Чака.

— А ты уверен, что тебе это нужно знать?.

— Черт возьми! Конечно!

— Ведь ты только что сказал, что не хочешь ломать себе шею?

— За две тысячи готов! Но что это за дело?

Тохола все еще смотрел на него.

— Если я скажу тебе, а ты не захочешь войти в долю, то живым тебе отсюда не уйти. Если я скажу тебе то, что так долго обдумывал, это будет уже не только мой план, верно? Или ты пойдешь со мной или останешься здесь трупом.

Чак увидел в руках индейца короткоствольный пистолет. Как у фокусника, оружие появилось ниоткуда. Чак отпрянул назад — пистолет испугал его.

— Решай. — Индеец посмотрел на пистолет, потом на Чака. — Если ты решился, то пойдем вместе, но если это тебе не подходит — катись отсюда. Если я тебе расскажу все, то назад дороги не будет, учти.

— Сколько мне зачтется? — спросил Чак, чтобы выиграть время.

— Я сказал: две тысячи.

— А убийства, насколько это опасно?

— Всего три штуки. Они не опасны, я все продумал. Я не сломаю себе шею и не отступлюсь.

Две тысячи! Чак стал думать, что он будет делать с этими деньгами.

— Я вхожу в долю, — наконец сказал он. — Говори.

Тохола убрал пистолет.

— А девчонка?

— Оставь ее, я сам с ней поговорю!

— Я нашел формулу страха...

Пока Чак смотрел на это бесстрастное лицо, ему вдруг захотелось, чтобы этот стальной парень ни во что не впутывал его. Но он тут же вспомнил про деньги, и струйка пота побежала у него по лбу, потом по горбинке носа и по подбородку. Он слушал его и понимал, что с этим парнем нужно держать ухо востро.

— Нам нужна винтовка с оптическим прицелом, — продолжал Тохола. — В городе есть оружейный магазин. Это простое дело. Когда мы достанем оружие, приступим к делу.

— Ты знаешь город? — спросил Чак.

Еле заметная улыбка раздвинула губы индейца.

— Да. Я жил там. Да...

Чаку стало любопытно. Он рассказал этому типу о себе и ждал ответного рассказа.

— Ты там работал?

Тохола встал.

— Собираясь в путь, [illegible] не забудь. — Он посмотрел мимо Чака. — [illegible]

— Да, я вхожу в долю.

— Поговори с девчонкой. [illegible] ты в ней не уверен, бросим ее тут. А потом найдем другую...

— О'кэй!

Чак смотрел, как он удаляется по направлению к дороге, идя ленивой упругой походкой, потом подобрал свою грязную рубашку и побрел к обрушенному дому.

Только после того, как Мэг вымылась, Чак подошел и сел рядом с ней. Полчаса назад она едва дождалась его возвращения и сразу же спросила, собирается ли довезти их этот индеец.

— Вымойся, — коротко приказал Чак. — Потом поговорим.

Теперь, когда он сел рядом, она повторила вопрос.

— А ты едешь с ним?

— Да, — сказал Чак, не глядя на нее.

Маг выронила полотенце, ее охватил ужас.

— Ты едешь? А я?

Чак вырвал пучок травы и бросил его в воздух.

— Может, теперь тебе лучше остаться без меня...

— Что это значит? — От волнения Маг встала на колени. — Ты больше не хочешь быть со мной?

Увидев ее страх, Чак ухмыльнулся. Он лег на спину, заложив руки под голову, и стал смотреть в небо.

— Слушай, крошка. Я устал от такой жизни. Я хочу денег.

Он бросил в траву пустую коробку от сигарет.

— Ты хочешь оставить меня тут?!

— Послушай, чтобы добыть деньги, надо рисковать, — наконец выговорил он, глядя в ее склоненное над ним лицо. — Я не хочу впутывать тебя в это дело. Нам, пожалуй, лучше расстаться.

— Ты, значит, больше меня не хочешь?

— Этого я не говорил. — Чак смотрел на синие полоски облаков. — Ты можешь меня выслушать внимательно? Я же о тебе забочусь! Ты мне нравишься — зачем же тебя впутывать в рискованное дело? Я не хочу с тобой расставаться, но думаю, что для нашего дела — ты чистый убыток. Поэтому и нужно расстаться...

— Наше дело... Что ты имеешь в виду?

Ее голос задрожал.

— Тохола задумал одну штучку. Ему нужен я и нужна девушка. — Чаку нравилось, как он объясняет ей ситуацию — по-деловому, без соплей. — Но это может плохо кончиться: сядем за решетку лет на двадцать.

Маг похолодела. Они задумали преступление! Она с Чаком уже два месяца, и он все время говорил о краже, но пока еще ничего не украл. У нее была мысль, что если бы она подтолкнула его на это, то он обязательно уже что-нибудь украл, но она, наоборот, просила его ничего не красть, пусть они будут лучше голодными. Маг поняла, что этот индеец покорил ее Чака. Этот разговор с ним привел Чака к решению, и он решился.

— Чак! — она схватила его за руку. — Удерем! Удерем, пока не поздно, пока он не вернулся, слышишь? Он ненормальный, я это чувствую! Я знаю... знаю... Мы найдем работу где-нибудь и будем вместе. Мы с тобой так хорошо ладили! Я стану работать на тебя... Я буду...

— Заткнись, ты, дура! — крикнул Чак. — Я иду с ним. Не смей хныкать! Поняла? Или и работай, если тебе этого так хочется! Ты что, хочешь сидеть всю жизнь под солнцем и собирать эти дурацкие апельсины? Всю жизнь хочешь сидеть? Ну и сиди, дура!

Маг поняла, что он уйдет. Она в ужасе всплеснула руками. Собирать всю жизнь апельсины! А что, если вернуться домой? Но она тут же представила себе родительский дом, все эти обеды и завтраки, работу в отцовской конторе, жизнь, словно расписанную по нотам...

— Но ведь ты сядешь на двадцать лет? — воскликнула она.

Чак вздрогнул.

— Ну, конечно, если все плохо кончится. Не думаю, однако, что это кончится плохо. Поэтому я плюю на все! Я хочу много денег, а тут они сразу придут в руки! Тохола

сказал, что и тебе... Он думает, что он... что нет... Я ему... твоем вкусе. — Чака тонка для этого... Для Маг деньги... После двух месяцев... диться без его ласк...

— Что же мне...

Чак отвернулся... шей улыбки.

— Что тебе с... крошка. Чем мень... безопаснее для все... дешь делать все, что... вая. Получишь пя... махнем с тобой в...

— Но, Чак, так... что иду, верно? — ... сказал, что я могу с... зал за что... Это неч...

— Да, но это то... нет! Подумай, через... ты или нет?

Он знал, что те... сколько шагов, и Ма...

— Чак!

— Чего еще?

— А ты ему вери...

— Я не верю ник... когда не верил, но с... с ним быстро достан... тебя есть полчаса. И... конца. Тебе ясно?

Маг долго сидела... нале воду. Тохола п... слегка тронутый. И... потеряет Чака. В ко... она может покончит... дит, — это ее жизнь... Таблетки или вены... остаться одной, без ...

Маг пошла к дому... дел на крыльце, жуя с... но идет к нему, и его м...

— Я пойду за своим...

— Ты будешь дела...

Она кивнула.

сказал, что и тебе может заплатить за работу пять сотен. Он думает, что сможет сделать эту работу, а вот я думаю, что нет... Я ему прямо и сказал, что такие делишки не в твоем вкусе. — Чак почесался. — Я думаю, что у тебя кишка тонка для этого.

Для Маг деньги ничего не значили. Но остаться одной! После двух месяцев жизни с Чаком она уже не могла обходиться без его ласк.

— Что же мне делать?

Чак отвернулся, чтобы она не видела его торжествующей улыбки.

— Что тебе скажут, то и будешь делать. Слушай, крошка. Чем меньше ты об этом будешь знать, тем безопаснее для всех нас. Ты поедешь с нами, если будешь делать все, что тебе скажут, ни о чем не спрашивая. Получишь пять сотен. Когда это кончится, то мы махнем с тобой в Лос-Анджелес.

— Но, Чак, так нечестно! Пойми, я должна знать, на что иду, верно? — Маг уткнулась лицом в колени. — Ты сказал, что я могу сесть на двадцать лет в тюрьму, и не сказал за что... Это нечестно!

— Да, но это только предположение... Отвечай: да или нет! Подумай, через полчаса мы тронемся. Решай — с нами ты или нет?

Он знал, что теперь она в его руках. Чак сделал несколько шагов, и Маг окликнула его:

— Чак!

— Чего еще?

— А ты ему веришь?

— Я не верю никому, включая и себя, и тебя тоже. Никогда не верил, но с ним нужно обращаться осторожно. Мы с ним быстро достанем денег — это все, что мне нужно. У тебя есть полчаса. И помни, киска: если ты с нами, то до конца. Тебе ясно?

Маг долго сидела, смотря на поблескивающую в канале воду. Тохола пугал ее. Она знала, что он хитер и слегка тронутый. И она знала, что, сказав "нет", она потеряет Чака. В конце концов, если дело провалится, она может покончить с собой! Все, что ей принадлежит, — это ее жизнь, у нее больше ничего нет своего. Таблетки или вены... и все, конец... А это лучше, чем остаться одной, без Чака и без денег.

Маг пошла к дому. Чак уже завязал свой рюкзак и сидел на крыльце, жуя сигарету. Он смотрел, как она медленно идет к нему, и его маленькие глазки смеялись.

— Я пойду за своими вещами... Иду с вами.

— Ты будешь делать, что скажут, и никаких вопросов?

Она кивнула.

— Отлично! И знаешь, что?

— Что?

— Мне бы не хотелось потерять тебя...

У Маг хлынули слезы. Это было самое чудесное, что она слышала за всю свою жизнь. Увидев, как засияло ее тонкое белое личико, Чак понял, что не мог сказать лучше, чем сказал. Он встал, и она кинулась ему на шею. Чак сжал ее груди и притянул к себе.

— Чак, а что, если...

Он чувствовал, что ее бьет озноб.

— ...этот индеец чокнутый... Я почему-то уверена в этом...

— Предоставь его мне. Иди и укладывай вещи.

Через двадцать минут в подержанном "бьюике" подъехал Тохола. Несмотря на то, что машина была довольно старая, хромированные части блестели на солнце. Это была обычная, не бросающаяся в глаза, темно-голубая машина, с темным верхом и сиденьями, обитыми облезлой красной кожей. Машина ничем не отличалась от тысяч себе подобных.

Увидев Чака и Маг на крыльце, он понял, что они согласны. Выйдя из машины, Тохола сел с ними рядом.

— О'кэй? — спросил он, глядя на Маг.

Она кивнула и с дрожью встала с крыльца, встретив взгляд блестящих черных глаз индейца. Тохола повернулся к Чаку:

— Мы сначала остановимся в Фиволенде. Ты обреешь бороду и пострижешься. Когда мы будем в Парадиз-Сити, от нас не должно вонять. Мы вполне респектабельные люди на отдыхе. И не забудь постирать одежду!

Чак поморщился. Он гордился своими волосами и бородой.

— О'кэй, — ответил он уныло и пожал плечами, — как скажешь.

Он взял два рюкзака и понес их к машине.

Некоторое время Маг сидела на крыльце, подставив лицо солнцу, но, когда Тохола влез в машину, она вздрогнула, словно от удара, и пошла следом за Чаком...

ГЛАВА ВТОРАЯ

Детектив первого ранга Том Лепски появился на пороге служебной комнаты. В нем было, казалось, футов десять высоты. Его повысили в должности только позавчера, он ждал этого повышения целых полтора года. По этому поводу Лепски устроил небольшой праздник — купил орхидею

своей жене Кэр
кончился велико
него такой желз

Лепски — вы
ми глазами, бы
ние о себе было
достоинства.

Сержант Дж
кресле. При виде

— Теперь го
ваться...

Не обращая в
мо к столу.

— Успокойся,
новости о Фреде?

Сержант Фред
гой. Если бы его та
ла бы предметом м

Хесс-младший
стен под кличкой
грозой окрестных д
надлежащего пожи
ве. Папа счел необ
вотное от гибели.
во, то проклятый
почка оказался на
себе синяки и сло
торого уже не обр
ходом и немедлен
стоял рядом со сво
шивал, что, собств
невозможность для
Монстра его попку

— Фред? — Бей
воспитан. Сестры
чер. Через две неде
милый симпатяга!

— Я ему позвони
ко он узнает, что я в

Бейглер мгновен

— Не вздумай! М
нам. А твой звонок...

Когда Бейглер у
ва второго ранга Ма
усмешку.

своей жене Кэрол, повел ее в дорогой ресторан, и вечер закончился великолепно, в постели. Долго Кэрол не была для него такой желанной, пожалуй, что с первой брачной ночи.

Лепски — высокий, лощеный, со стальными голубыми глазами, был хитрым, заносчивым типом. Его мнение о себе было намного выше, чем его действительные достоинства.

Сержант Джо Бейглер, закинув ноги на стол, отдыхал в кресле. При виде Тома он выпалил с явным сарказмом:

— Теперь город спасен! Садись, Том. Я иду умываться...

Не обращая внимания на насмешки, Том прошел прямо к столу.

— Успокойся, сержант, я сделаю все возможное. Какие новости о Фреде?

Сержант Фред Хесс лежал в больнице со сломанной ногой. Если бы его так не ценили в отделении, то его нога стала бы предметом множества шуток и насмешек.

Хесс-младший еще в [illegible]летнем возрасте был известен под кличкой "Монстр с озера Мильберри" — и был грозой окрестных домов. Мальчишка пригрел котенка, принадлежащего пожилой леди, и решил повесить его на дереве. Папа счел необходимым вмешаться и спасти бедное животное от гибели. Естественно, что когда он залез на дерево, то проклятый сук сломался ко всем чертям и папочка оказался на земле. Этим подвигом он заработал себе синяки и сломанную конечность. Котенок, на которого уже не обращали внимания, слез с дерева своим ходом и немедленно удрал куда-то в кусты, а сыночек стоял рядом со своим рычащим от боли отцом и спрашивал, что, собственно, тот забыл на дереве? Только невозможность для папочки встать на обе ноги спасла Монстра его попку от хорошей порки.

— Фред? — Бейглер улыбнулся. — Он отвратительно воспитан. Сестры жалуются, что он ругается, как кучер. Через две недели он снова будет с нами, этот наш милый симпатяга!

— Я ему позвоню. Ему нечего беспокоиться. Как только он узнает, что я веду его дела, он сразу выздоровеет.

Бейглер мгновенно встревожился:

— Не вздумай! Мы хотим, чтобы он быстро вернулся к нам. А твой звонок... у него там кровь застынет в жилах!

Когда Бейглер ушел, Лепски посмотрел на детектива второго ранга Марса Якоби, который старался скрыть усмешку.

— Ты слышал такое, а? Ты думаешь, Джо мне завидует?

— А кто нет? Даже я тебе завидую!

— Ты? — Лепски был польщен. — Да... — он пожал плечами. — Так это все и идет... Я думаю, мне пора к этому привыкнуть. Служба... Что-нибудь есть?

— Нет. Все тихо.

Лепски уселся поудобнее.

— Что мне теперь нужно — это жуткое убийство... на сексуальной почве. Пока Фред в больнице — это мой шанс. — Он закурил и выпустил дым через нос. — Я знаю, что Фред умница и он понимает, что я наступаю ему на пятки. Теперь, когда я получил это повышение, Кэрол меня чуть не изнасиловала — подавай ей мужа-сержанта. Женщине ничем не угодишь. — Он повесил голову, а потом сказал грустно. — Ты вот холостяк. Счастливый...

— Я знаю, — с сочувствием сказал Якоби, — я за свободу личности.

Лепски счел нужным уточнить свое отношение и к моральной стороне жизни.

— Не думай, что я отвергаю брак. За это есть много доводов. Такому молодому, как ты, надо жениться. Ты...

Его тираду прервал телефонный звонок.

— Видишь? Стоило мне вякнуть, и работа закипела.

Лепски нажал кнопку.

— Полицейский участок. Говорит детектив первого ранга Лепски.

Якоби подавил улыбку.

Грубый голос в трубке потребовал:

— Дайте сержанта Бейглера.

— Сержант Бейглер уже ушел, — ответил Лепски, нахмурившись.

Кто этот нахал, который думает, что Бейглер лучше, чем он, Лепски?

— Это Данвас. Капитан Террел на месте?

Лепски выпрямился на стуле. Хартли Данвас был владельцем фешенебельного оружейного магазина, который снабжал богачей всеми видами оружия — человек, значащий в городе немало, и личный друг шефа Лепски.

— Нет, мистер Данвас, шеф еще не появлялся, — ответил Лепски, пожалев в душе, что снял трубку. — Что я могу для вас...

— Пришлите мне смышленого парня и побыстрее! У меня кража со взломом. Скажите Террелу, когда он появится, что он мне нужен.

— Конечно, мистер Данвас. Я приду сам, мистер Данвас. Все будет в порядке. — И Лепски повесил трубку.

— Итак, это
мая брови.
— Да... Вызов
Вскочив на но
что опрокинул стул
— Скажи, что
работе, — и вылете
Хартли Данва
лет, с плечами атл
человека, стоящего
— Черт побери
нул он, увидев вхо
ной конторы. — Где
Лепски не хоте
этот парень и шишк
ранга.
— Я — Лепски,
он. — Где была сове
Данвас уставило
— А я о вас слы
— Он предупреж
дело. А шеф предупр
— Да, конечно.
Они прошли чер
вниз по ступенькам в
— Они влезли зд
Лепски осмотрел
стальной створкой.
ного основания.
— Стальной трос
Он выглянул из о
щую на парковую сто
— Чистая работа!
— Значит, вот к
Рассматривал Лепски
ли одну из лучших
сборки, с глушителем.
— Что-нибудь еще
— Коробку с сотне
— Где было ружье
— Я покажу вам.
Данвас вернулся в
— Ружье было в эт
тый ящик. — На нем м
— Да, я пошлю сю
то понимал, что грабит
было успокоить Данвас
Спустя пару часо

— Итак, это мистер Данвас? — сказал Якоби, поднимая брови.

— Да... Вызови шефа. У Данваса кража.

Вскочив на ноги, Лепски так быстро шагнул вперед, что опрокинул стул.

— Скажи, что Данвас его требует и что я приступил к работе, — и вылетел из участка.

Хартли Данвас, высокий, тонкий, около пятидесяти лет, с плечами атлета, имел все привычки и уверенность человека, стоящего чуть больше двух миллионов долларов.

— Черт побери, кто вы такой? — требовательно рявкнул он, увидев входящего Лепски на пороге своей роскошной конторы. — Где Бейглер?

Лепски не хотел быть выставленным за дверь. Может, этот парень и шишка, но теперь он сам — детектив первого ранга.

— Я — Лепски, — профессиональным тоном заявил он. — Где была совершена кража?

Данвас уставился на него.

— А я о вас слышал. Когда приедет Террел?

— Он предупрежден. Если это только кража, то это мое дело. А шеф предупрежден.

— Да, конечно. Пойдемте.

Они прошли через большой магазин, потом спустились вниз по ступенькам в запасник.

— Они влезли здесь.

Лепски осмотрел маленькое окно, закрытое толстой стальной створкой. Створка была выломана из цементного основания.

— Стальной трос, крюк и машина, — сказал Лепски.

Он выглянул из окна на маленькую узкую аллею, ведущую на парковую стоянку.

— Чистая работа! Что они взяли?

— Значит, вот как они сработали? — Данвас теперь рассматривал Лепски с некоторым уважением. — Они взяли одну из лучших моих оптических винтовок, ручной сборки, с глушителем. Она стоит шесть сотен.

— Что-нибудь еще?

— Коробку с сотней патронов для этой винтовки.

— Где было ружье?

— Я покажу вам.

Данвас вернулся в магазин.

— Ружье было в этой витрине, — он показал на разбитый ящик. — На нем могут быть отпечатки, я его не трогал.

— Да, я пошлю сюда ребят, и мы все осмотрим. — Он-то понимал, что грабители работали в перчатках, но нужно было успокоить Данваса.

Спустя пару часов шеф полиции Террел, сержант

Бейглер и Лепски сидели вокруг стола Террела, похлебывая кофе.

— Никакой зацепки: ни отпечатков, ни следов... профессиональная работа, — заключил Бейглер, прочтя донесение Лепски. — Похоже, парень знал, что делал, и все продумал наперед. Там ведь было много другого, более дорогого оружия, но он ничем не соблазнился.

Террел — массивный, с серо-седыми волосами и тяжелыми челюстями — хмыкнул.

— Основное оружие — в магазине для спорта. Это же было с оптическим прицелом. Почему они взяли именно его?

Лепски нетерпеливо заерзал:

— Приметная вещица: телескопический прицел и глушитель. Может, какой-то юнец увидел его в витрине и у него зачесался зад от восторга? Данвас сказал, что эта винтовка стоит уже почти месяц в окне.

Террел кивнул.

— Может быть. Но это оружие для убийства.

— Я все-таки думаю, что это юнец.

— Если это так, то он работает как профессионал, — заключил Бейглер.

— И что? Каждый чертов сопляк, который смотрит телевизор, знает про отпечатки пальцев и как содрать жалюзи с окна, — фыркнул Лепски.

— Не обвиняй прессу. Пусть лучше газетчики получат фото винтовки у Данваса, оно должно быть, — сказал Террел.

Лепски отошел к телефону, и Бейглер сказал:

— А ведь Том, может, и прав. Возможно, это какой-то мальчишка, у которого зачесались шаловливые ручонки.

Террел обдумывал этот вариант. Он вспомнил себя тинейджером — подростком: как каждую субботу он ходил в магазин Данваса и пялился на винтовки. В то время владельцем магазина был отец нынешнего его друга, Данваса-младшего. Он жаждал иметь такую винтовку. Может, это тоже был юнец, который тоже жаждал иметь ее?

— Надеюсь, он прав, — наконец сказал он, — но мне это не по нутру. Это винтовка для убийцы...

Дин К. Мак-Квин, президент Флоридской корпорации стеклянной тары для консервов с оборотом в несколько миллионов долларов в год, шести футов ростом, с седыми волосами, сделал карьеру сам и теперь пожинал плоды своих трудов. Он был трижды женат, и трижды жены бросали его — невозможно было переносить его характер и его образ жизни. А его требования были просто чудовищны!

Мак-Квин жил по часам: поднимался в семь утра, занимался гимнастикой в специальном зале, принимал душ и

семь тридцать, зав
ке до девяти, а в
"ролле-ройсе" в ко
Это была его ж
лось. За три проше
личной секретарше
опоздал, и в это со
втраку, она не смо
несколько секунд во
Марта Делвин,
без всякого обаяния
ней почтой наготове
— Доброе утро
стол.
Мак-Квин пока
варивать. Разложив
ница — японец Ток
релки с ветчиной и я
— Есть что-нибу
телячьи почки!
— Ничего особ
письма...
Он проглотил еш
— Письмо? Стра
Она положила п
бумаги:
— Это было в по
Мак-Квин достал
на этот маленький к
крупными буквами:
"Р.М.П. УПОКО
— Черт! Что это,
Токо, стоящий за
что патрон опять не в
— Не знаю, но я д
— Почему? — Ма
не поняли, что это пи
могли придумать, чем
Вы заранее все продум
Он бросил клочок
— Прошу прошен
секретарша.
Мак-Квин поверну
— Эта тартинка хо
сите горячее!

семь тридцать, завтракал в восемь, диктовал стенографистке до девяти, а в десять часов три минуты уезжал в своем "ролле-ройсе" в контору.

Это была его жизнь, и никаких отклонений не допускалось. За три прошедших года, пока Марта Делвин была его личной секретаршей, она ни разу не видела, чтобы патрон опоздал, и в это солнечное утро, когда он спускался к завтраку, она не смотрела на часы, так как знала, что было несколько секунд восьмого.

Марта Делвин, тридцати шести лет, высокая, смуглая без всякого обаяния, ждала за столом с сегодняшней утренней почтой наготове.

— Доброе утро, — сказала она и положила почту на стол.

Мак-Квин покачал головой. Он не любил долго разговаривать. Разложив перед ним салфетку, его верный Пятница — японец Токо стал наливать кофе, расставлять тарелки с ветчиной и яйцами всмятку.

— Есть что-нибудь стоящее? — Мак-Квин проглотил телячьи почки!

— Ничего особенного. Разве, пожалуй, вот этого письма...

Он проглотил еще одну почку и нахмурился:

— Письмо? Странное? Что это значит?

Она положила перед ним четвертушку очень дешевой бумаги:

— Это было в почте.

Мак-Квин достал свои линзы и пристально посмотрел на этот маленький клочок бумаги. Письмо было написано крупными буквами:

"Р.М.П. УПОКОЙ ГОСПОДЬ ДУШУ ТВОЮ. 09.03. ПАЛАЧ".

— Черт! Что это, а? — проорал Мак-Квин.

Токо, стоящий за его спиной, поморщился. Он понял, что патрон опять не в духе.

— Не знаю, но я думала, что это вам нужно показать.

— Почему? — Мак-Квин уставился на нее. — Вы что, не поняли, что это писал сумасшедший?! Ничего лучше не могли придумать, чем показывать мне подобные записки. Вы заранее все продумали, чтобы испортить мне завтрак!

Он бросил клочок бумаги на пол.

— Прошу прошения, — выдавила из себя испуганная секретарша.

Мак-Квин повернулся в кресле к Токо.

— Эта тартинка холодная! Что с вами сегодня? Принесите горячее!

В девять часов три минуты, окончив диктовать, он вышел к подъезду, чтобы сесть в машину.

Брант, его шофер, который уже был приучен ко всему на свете, стоял, держа дверцу открытой и сняв фуражку. Марта Делвин вышла на площадку лестницы, чтобы посмотреть впечатляющее зрелище — отъезд шефа.

— Я вернусь в шесть часов. Приедет Хилли, он сказал, что будет в шесть тридцать, но он всчно опаздывает. Он не пунктуален.

Это были последние слова, которые Мак-Квин проворчал в своей жизни. Марта Делвин запомнила ощущения той минуты до самой могилы.

Она стояла рядом с Мак-Квином и увидела, как его высокий лоб вдруг превратился в ярко-розовую кашу из мозга и костей. Маленький кусочек его мозга попал ей в лицо и стал медленно сползать по щеке. Кровь шефа залила ее белоснежную блузку. Мак-Квин тяжело рухнул на мраморные ступеньки, заливая кровью мозаику.

Она еще видела, как его тело дергалось у ее ног, чувствуя ужасную тяжесть, тяжесть маленького кусочка мозга на своей щеке, и тут же потеряла сознание...

Доктор Луис — офицер медицинской полицейской службы — вошел в зал, когда Террел, Бейглер и Лепски уже ждали его. Луис был толстый, жирный, лысеющий человек, с пятнами на щеках и одышкой, но Террел знал, что он талантлив, и доверял его профессиональному опыту.

В это время позвонили из участка и доложили об убийстве номер один. Это было убийство одного из самых влиятельных людей города.

Полицейские подъехали к резиденции вместе с доктором. Теперь уже тело Мак-Квина лежало в морге.

— Как она? — спросил Террел.

— Под впечатлением. Говорить с ней нельзя, по крайней мере сутки. Она может сойти с ума.

Увидев место трагедии и взглянув на тело Мак-Квина, Террел допускал такую возможность, как сумасшествие Марты Делвин от всего пережитого.

— Что думает наш врач?

— Винтовка с хорошим оптическим прицелом.

— Откуда стреляли?

— Сверху.

Террел вместе с Лепски вышел на террасу и осмотрелся.

— Оттуда, — толстой рукой доктор помахал куда-то в сторону.

Дом окружали каштаны, под деревьями была дорога, а в отдалении виден был блок домов строящегося отеля.

— Это был отли
— Похоже, что из
— Да, как только
Лепски, — сказал Терр
дома. Мне тебе не надо
— О'кэй, шеф.
— Теперь поговори
— Смотри, кто при
Высокий худой чел
ему кто-то сказал, что
тех пор он стал держат
снобизмом. Фамилия ег
ром местной газеты и ст
— Не сметь говорит
нуть Террел.

Допрос шофера ни
дрожал от шока, и от не

А вот японец Токо,
ржал себя в руках. Он
бумаги и подробно обри
го. Эта информация был

Тем временем у Бе
ный разговор с Гамильто
— Я знаю, что слу
кричал репортер. — Но
Квин здесь много значил
ди! Неужели вы не пон
сенсация за годы прозяба
— Понимаю, что
лые, — спокойно ответил
жевательной резинки. —
Мак-Квин не президент,
— Получу я сведения
— Если будет что-ни
ничего нет.
— А эта винтовка, к
жет, он из нее, а?

Бейглер пожал плечам
— Ты знаешь то же, ч
— А для меня?
— Через пару часов. Б
Гамильтон все еще нас
— И это все?
— Да, голубь мой ясно
Гамильтон побежал о
нулся к Террелу, и вдвое
мажку.
— Чепуха!

— Это был отличный выстрел, если стреляли оттуда.

— Похоже, что из винтовки Данваса.

— Да, как только док вытащит пулю, мы это узнаем, Лепски, — сказал Террел. — Возьми ребят и проверьте те дома. Мне тебе не надо объяснять, как это делается.

— О'кэй, шеф.

— Теперь поговорим с шофером и японцем.

— Смотри, кто приехал! — застонал Бейглер.

Высокий худой человек выбрался из машины. Когда-то ему кто-то сказал, что он похож на Джеймса Стюарта, и с тех пор он стал держать себя с таким же провинциальным снобизмом. Фамилия его была Гамильтон. Он был репортером местной газеты и студии телевидения.

— Не сметь говорить ему про винтовку, — успел буркнуть Террел.

Допрос шофера ничего не дал. Он еще долгое время дрожал от шока, и от него не было никакого толка.

А вот японец Токо, который сам не видел убийства, держал себя в руках. Он передал Террелу тот самый клочок бумаги и подробно обрисовал привычки и манеры покойного. Эта информация была весьма полезна.

Тем временем у Бейглера [illegible] не слишком-то приятный разговор с Гамильтоном.

— Я знаю, что случилось только что! — нетерпеливо кричал репортер. — Но ведь у [illegible] есть подозрения! Мак-Квин здесь много значил. Его [illegible] убрать, как... Кеннеди! Неужели вы не понимаете, что это грандиознейшая сенсация за годы прозябания этого городишки!

— Понимаю, что эти новости не слишком веселые, — спокойно ответил Бейглер, засовывая в рот кусок жевательной резинки. — Но откуда вы взяли Кеннеди? Мак-Квин не президент, а?

— Получу я сведения или нет? — вопил Гамильтон.

— Если будет что-нибудь новенькое, Пит, а пока у нас ничего нет.

— А эта винтовка, которую украли у Данваса — может, он из нее, а?

Бейглер пожал плечами:

— Ты знаешь то же, что и я. Пока мы все изучаем...

— А для меня?

— Через пару часов. Будет пресс-конференция.

Гамильтон все еще насмешливо смотрел на него:

— И это все?

— Да, голубь мой яснокрылый.

Гамильтон побежал обратно к машине. Бейглер вернулся к Террелу, и вдвоем они стали рассматривать бумажку.

— Чепуха!

— Может быть, это для отвода глаз?

Но они оба знали, что чепуха с оптическим прицелом скоро перестанет быть чепухой.

— Гамильтон, как всегда, проницателен. Эта винтовка для него — выигранная деталь. Теперь газетчики зашевелятся.

Они уехали, а спустя пять минут вернулся Гамильтон. Он поговорил с Токо, нащелкал кучу фотографий и умчался назад, прежде, чем еще двое репортеров пытались проделать то же самое.

Гамильтон появился в одиннадцать часов с выступлением по телевизору, в программе новостей. Фото украденной винтовки, дом Мак-Квина и отдаленного жилого района были запечатлены на экране. Гамильтон рассказал и о письме Палача.

— Кто он? Собирается ли прийти еще? — спрашивал Гамильтон...

Мотель стоял около дороги № 4, в трех милях от Парадиз-Сити. Его пятнадцать подержанных комнат, каждая с собственным гаражом, сдавались миссис Бертой Харрис, вдовой капрала, убитого в Корее.

Берта — рыхлая, расползшаяся пятидесятилетняя женщина — жила достаточно спокойно. Мотель давал ей деньги на еду, а так как она редко видала еще что-нибудь, то мотель был для нее большой удачей в жизни. Обычно в ее мотеле останавливались на ночь, поэтому она была приятно поражена, когда прилично одетый индеец, с тихим голосом объяснил ей, что он и его друзья хотели бы пожить тут недельку-другую.

Она была поражена еще больше, когда он не стал спорить о цене. Он так быстро на все согласился, что Берта почувствовала, что продешевила.

Индеец заплатил за оба номера за неделю вперед, но она немного смутилась, когда увидела, что его друзья — белые люди, девушка и парень. Но Берта сказала себе, что это их личное дело.

Индеец расписался в книге как Гарри Люкон, а эти двое — как мистер и миссис Джек Ален.

Они съели яичницу, выпили пива и закусили все это яблочным пирогом, потом разошлись по номерам, и Берта про них забыла.

В двадцать два часа три других постояльца Берты — пожилые мужчины, уснули, а Тохола пролез в дверь к Чаку. Они долго шептались, но Маг напрасно старалась что-нибудь понять. Затем Чак велел ей ложиться спать, а сами сели в "бьюик" индейца и уехали. Только когда они въехали в город, который Тохола действительно неплохо знал, индеец объяснил Чаку, что они будут делать.

У него уже все был
лежал железный крюк
люзи. Пока Чак, чуть
темноту аллеи, Тохола
вала. Через несколько м
патроны, а затем они ве
— Иди спи, — сказа
Чак вылез из машин
— Что ты собираешь
— Узнаешь, — сказа
Встревоженная Маг
нул к ней в кровать и по
— Где ты был? — Он
шел на это внимания. —
Ты даже зубы не почисти
— И что же? — Он о
...Они спали почти д
кофе, они вдруг увидели
ставил машину в гараж.
— Он что, не спал?
Она стала разливать
— Почему бы тебе не
Это ее утихомирило.
ся под душем, а Маг смотр
Намылившись, Чак р
Его не было всю ночь. "Б
Передернувшись, Чак вдр
зовал винтовку.
Пока Чак причесывал
мильтон, а когда Чак вош
о письме, полученном Ма
— Послушай! — взвол
— Итак, у нас появил
бя Палачом. Что ему нуж
ред вами фото похищенно
местонахождение или чел
лекино явиться в полицейск
Чак щелкнул выключа
— Кому до этого како
лос его не выдавал.
Маг взглянула ему в г
ступил пот, глаза его бегал
— В чем дело? — спрос
Чак стал надевать руба
— В чем дело, спрашив
бой идем гулять.
— Это убийство... и па
Чак стал надевать шта

У него уже все было приготовлено. На заднем сидень лежал железный крюк и моток кабеля, чтобы сорвать жалюзи. Пока Чак, чуть потея от волнения, вглядывался в темноту аллеи, Тохола проскользнул внутрь магазина Данваса. Через несколько минут он передал Чаку винтовку и патроны, а затем они вернулись в отель.

— Иди спи, — сказал индеец. — Ей ни слова! Ясно?

Чак вылез из машины:

— Что ты собираешься делать?

— Узнаешь, — сказал Тохола и растворился в темноте.

Встревоженная Маг ждала его в постели. Он проскользнул к ней в кровать и потянулся к ее грудям.

— Где ты был? — Она боролась с ним, но Чак не обращал на это внимания. — Ты даже не помылся, поросенок! Ты даже зубы не почистил!

— И что же? — Он опрокинул ее на спину...

...Они спали почти до десяти часов. Когда Маг готовила кофе, они вдруг увидели Тохолу, который въехал во двор и ставил машину в гараж.

— Он что, не спал?

Она стала разливать кофе.

— Почему бы тебе не спросить его самого?

Это ее утихомирило. Потом Чак побрился и стал мыться под душем, а Маг смотрела телевизор.

Намылившись, Чак рассказал о Тохоле и о винтовке. Его не было всю ночь. "Будут еще убийства", — сказал он. Передернувшись, Чак вдруг понял, что Тохола уже использовал винтовку.

Пока Чак причесывался, на телеэкране возник Пит Гамильтон, а когда Чак вошел в комнату, Гамильтон говорил о письме, полученном Мак-Кинном.

— Послушай! — взволнованно кивнула ему Маг.

— Итак, у нас появился свой убийца, называющий себя Палачом. Что ему нужно? Будет ли он убивать еще? Перед вами фото похищенной винтовки. Просим знающего ее местонахождение или человека с такой винтовкой немедленно явиться в полицейское управление.

Чак щелкнул выключателем.

— Кому до этого какое дело? — он старался, чтобы голос его не выдавал.

Маг взглянула ему в глаза. Чак побледнел, на лбу выступил пот, глаза его бегали. Маг все поняла.

— В чем дело? — спросила она.

Чак стал надевать рубашку.

— В чем дело, спрашиваешь? Ни в чем, просто мы с тобой идем гулять.

— Это убийство... и палач... это не мы, да, Чак?

Чак стал надевать штаны.

— Ты чокнулась?! Мы?...

Он не смотрел на нее.

— А почему ты тогда так смотришь? Это мы! Мы!...

Маг отшатнулась от него. Почему его не было всю ночь?

— Откуда те деньги, что он нам обещал?

Чак знал, что теперь ее надо поставить на свое место. Теперь или никогда!

— О'кэй! Сматывай свои вещи! Тебе все сказали. Тебе сказали, ни о чем не спрашивать. А ты... Вон! Вон отсюда!

Маг сразу сникла и беспомощно замахала руками:

— Нет, ты со мной, Чак! Он плохой... Он совсем чокнутый! Я знаю... Пойдем вместе!

— Ты слышала, что я сказал? Собирай вещи. Ты выходишь из игры!

Маг села на смятую кровать, опустив голову.

— Я не могу быть одна, Чак! Забудь... Я буду молчать. Я не хочу быть без тебя!

Приложив ухо к тонкой деревянной перегородке, Тохола слушал их разговор. Чак знал, что победа за ним, но настало время окончательно поставить ее на свое место.

— Я устал от тебя, а кругом сотни таких, только подбирай. Тебе лучше выйти из игры. Ну, давай, пошла вон!

Она почти извивалась от унижений и мольбы.

— Чак, Чак! Мне все равно! Я буду молчать. Я должна быть с тобой!

Чак прошелся по комнате, делая вид, что раздумывает.

— Я поговорю с Тохолой. Ему следует это знать. Но я думаю, что тебе лучше убраться ко всем чертям!

Маг вскочила и схватила его за руку:

— Нет, не надо. Я обещаю все, что ты захочешь. Все, все...

Чак поколебался и кивнул.

— Ладно, посмотрим... Идем смотреть город. Я спрошу Тохолу, можно ли нам взять машину.

Она вдруг опять испугалась.

— Ты ему не скажешь... ничего про меня?

Его улыбка была ослепительной. Он чувствовал, как растет в ее глазах, видя ее, ползающую перед ним на коленях.

— Я ему не скажу.

Он взял Маг толстыми короткими пальцами за подбородок и сильно сжал его.

— Но помни, киска, это в последний раз...

Чак постучал к индейцу.

— Я все слышал, — спокойно сказал Тохола. — Ты все правильно сделал. Идите в город. Займи ее чем-нибудь. Я иду спать. — Он достал двадцатидолларовую банкноту:

возьми и заткни ей
бишься. Мы стартуем
Он уставился на
у Чака пересохло в го
— Второй раз?
Тохола кивнул. Ч
— В этот раз мне
лай ее счастливой.
Чак кивнул и вы
"бьюик" поехал в горо
В это время Тохо
принялся чистить ее...
Только чуть поз
кончил с чтением вс
за это утро.
Выступление Гами
в городе, что телефоны
мые важные тузы Пара
пугливы. Они смотрели
ев, которые и предназ
полиция собирается де
это они и хотели знать
же полицейские, не в
сделано?
Бейглер отвечал
нально, не выпуская си
канчик горячего кофе
визжащие и бормочущ
нок — дать под зад Гам
кашу, организовал эту
Лоусон Хедли, мэр
Он уже говорил с Терре
— Может быть, все
тех пор, пока не будет
лен. В пятнадцать часов
сдача дежурств. Можете
— Я приду. Ужасно
варил такую кашу, пр
это такое.
В пятнадцать часо
шли вместе.
— Убийца стрелял
района Коннама, с терра
ске, в Европе. В отъезд
Убийца об этом знал.
— Похоже, что он все
— Он знает все в го
владельцев.

возьми и заткни ей рот. И потом: ты мне вечером понадобишься. Мы стартуем отсюда в одиннадцать часов.

Он уставился на него своими немигающими глазами, и у Чака пересохло в горле.

— Второй раз?

Тохола кивнул. Чак отвернулся.

— В этот раз мне нужен ты. Возьми Маг на пляж и сделай ее счастливой.

Чак кивнул и вышел. Они сели в машину, и старый "бьюик" поехал в город.

В это время Тохола достал из-под матраса винтовку и принялся чистить ее...

Только чуть позже четырнадцати часов Террел покончил с чтением всех рапортов, которые принесли ему за это утро.

Выступление Гамильтона подняло такую волну паники в городе, что телефоны участка звонили не переставая. Самые важные тузы Парадиз-Сити были богаты и конечно же пугливы. Они смотрели на полицейских, как на своих лакеев, которые и предназначались для их безопасности. Что полиция собирается делать с маньяком-убийцей? Вот это они и хотели знать, сердито дрожа и чуть не плача. Что же полицейские, не видят, что он может убить еще? Что сделано?

Бейглер отвечал на эти вопросы вполне профессионально, не выпуская сигарету изо рта и держа в руках стаканчик горячего кофе. Слушая многочисленные голоса, визжащие и бормочущие ему в ухо, у него чесался ботинок — дать под зад Гамильтону, который заварил всю эту кашу, организовал эту панику.

Лоусон Хедли, мэр Парадиз-Сити, был человек умный. Он уже говорил с Террелом.

— Может быть, все это чепуха, а может быть, и нет. До тех пор, пока не будет нужной мне информации, я бессилен. В пятнадцать часов у нас подведение итогов за сутки и сдача дежурств. Можете подождать, — сказал ему Террел.

— Я приду. Ужасно, что этот кретин Гамильтон заварил такую кашу, прежде чем мы успели понять, что это такое.

В пятнадцать часов Террел, Хедли и Бейглер уже были вместе.

— Убийца стрелял из винтовки Даниаса. Стрелял из района Кониама, с террасы дома Тома Дэвиса. Он в отпуске, в Европе. В отъезде он уже три месяца, и, похоже, убийца об этом знал.

— Похоже, что он все продумал, и продумал давно.

— Он знает все в городе. Он знает все дома и всех владельцев.

— Значит, он из местных.

— Похоже...

— Что еще?

— Эта записка... Предупреждение. Ее послали вчера. Он предупреждает Мак-Квина, что тот будет убит. Почему? Ребята из лаборатории проработали эту записку. Никаких отпечатков. Написано шариковой ручкой. Бумага дешевая. Но тут указано время, девять часов три минуты. У него была информация о привычках Мак-Квина. Мак-Квин был помешена на точности. Единственные люди, которые знали о его привычках, — это японец, шофер и секретарша. Но они ни при чем, я убежден в этом. Возможно, Мак-Квин хвастал друзьям о своей точности. Это я проверю. Можно подумать, что убийца живет здесь или жил, поэтому он знает всех и все. У Мак-Квина, как говорят, было много врагов, но не думаю, чтобы кто-нибудь из них бегал за ним с оружием в руках. У меня такое чувство, что этот парень даст знать о себе еще раз.

— А каковы его мотивы?

— Между нами говоря, я их не знаю. Это просто глупо, что, у нас нет таких сведений. Но будем ждать и все же надеяться, что это был единственный случай...

Хедли фыркнул.

— А вы думаете, что он может... еще?

— Подумайте сами, сэр. Надеюсь, что нет. Проверим всех, кто с нами не в ладах, а таких сотни.

Они закурили. Террел посмотрел на Бейглера.

— Приступим, Джо.

— Да, — Бейглер поднялся. — Думаете, он... еще... а, шеф?

— Нет... я надеюсь.

— А я не уверен. У нас на руках сумасшедший. Счастливчик наш Фред! Хотелось бы и мне в такое время повалять в госпитале!

— Он ошибется... когда-нибудь все ошибаются, — сказал Террел, правда, без особой уверенности.

— Но когда?

— Да, верно... когда?

Они еще раз кивнули друг другу, и Бейглер ушел к себе в кабинет. Его ребята приступили к работе.

В полной уверенности, что все его соседи сейчас в садиках подстригают лужайки или ползают с секаторами, Лепски решил устроить сцену, которая поможет ему лишний раз показать, какая у него опасная работа.

Он промчался со скоростью пятьдесят миль в час, по

тем резко нажал на
не вылетел из машины
это было весьма эффектно
сломя голову ринулся по
зяя ключ в скважину, Леп
ыпал — все его соседи по
блюдали за ним из своих с
ли о его повышении — жен
Теперь настала его очередь
детектива первого ранга.

К несчастью, он пыта
ключом от машины. Если
хлопнув дверью, соседи бы
тыканье ключом испортило

Пока он чертыхался,
лась.

— Ты что? Обязательно
ливо спросила его жена. —

Лепски вошел следом
правился в ванную.

— Я тут жизнью рискую

Кэрол кивнула. Она бы
ной двадцати семи лет, и у

Прежде чем выйти замуж
в рекламном бюро, имела д
нее была соответствующая
за лучшим и самым способ
шесть-семь лет он, по ее мн
фом полиции. Этого она ем
толкала его от повыш
детектив первого класса, сле

Лепски вышел из ванны
капельки несуществующего

— Давай выпьем, — ска
жет пять минут... только с

— Если тебе нужно вер
сешь. Я дам тебе кока-кол

— Я хочу виски! Целый

Она пошла на кухню и
ты и много льда.

— Чем вы занимаетесь?
кресла.

— Я, по-твоему, устал?
тел? — Он отхлебнул напито

— Почему ты не плеснула с
Ты! Нет! Ты выглядишь у

— Чепуха. Мне нельзя

том резко нажал на тормоза у своей садовой калитки, чуть не вылетел из машины и клюнул носом. Он подумал, что это было весьма эффектно. Потом он хлопнул дверцей и сломя голову ринулся по ступенькам к дверям дома. Вставляя ключ в скважину, Лепски думал, что отлично все разыграл — все его соседи побрасали ножницы и теперь наблюдали за ним из своих садиков. Все они конечно же знали о его повышении — жена болтала об этом не переставая. Теперь настала его очередь показать всем соседям работу детектива первого ранга.

К несчастью, он пытался открыть входную дверь дома ключом от машины. Если бы он мог влететь в дом, громко хлопнув дверью, соседи бы обсуждали это часами, но это тыканье ключом испортило всю картину.

Пока он чертыхался, отыскивая ключ, дверь отворилась.

— Ты что? Обязательно должен так ездить? — разгневанно спросила его жена. — Какой пример ты подаешь?

Лепски вошел следом за ней, хлопнул дверью и отправился в ванную.

— Я тут жизнью рисковал! — объявил он, влетая туда.

Кэрол кивнула. Она была красивой, смуглой женщиной двадцати семи лет, и у нее было самолюбие.

Прежде чем выйти замуж за Лепски, она была клерком в рекламном бюро, имела дело с богатыми клиентами, и у нее была соответствующая сватка. Она считала своего мужа лучшим и самым способным детективом в округе. Через шесть-семь лет он, по ее мнению, должен был бы стать шефом полиции. Этого она ему, разумеется, не говорила, но подталкивала его от повышения к повышению. Сейчас он детектив первого класса, следующая ступенька — сержант.

Лепски вышел из ванны, драматически вытирая со лба капельки несуществующего пота.

— Давай выпьем, — сказал он, бросаясь в кресло. — У меня пять минут... только сменить рубашку.

— Если тебе нужно вернуться на службу, то пить не будешь. Я дам тебе кока-колы.

— Я хочу виски! Целый стакан и много льда!

Она пошла на кухню и принесла большой стакан кока-колы и много льда.

— Чем вы занимаетесь? — спросила она, садясь на ручку кресла.

— Я, по-твоему, устал? Почему ты думаешь, что я устал? — Он отхлебнул напиток и поморщился. — Черт побери! Почему ты не плеснула сюда виски?

— Нет! Ты выглядишь усталым. Я тоже устала. Не отходила от телевизора. Этот убийца... Палач. В чем дело?

— Чепуха. Мне нельзя тебе ничего рассказывать. Но,

Кэрол, никому ни слова, слышишь? Я знаю, что твои шапочные знакомые воображают, что будут иметь свеженькие новости, из которых можно сделать прекрасное жаркое для трепа в гостиных. Но ты им ничего не скажешь, да?

— Но ведь и нечего рассказывать, верно? И идиоту ясно, что этот человек — крепкий орешек. Что там происходит? Вы еще не нашли убийцу?

Лепски холодно рассмеялся:

— Нет еще. Я уеду на всю ночь вести расследование. Обычная работа... Город в ужасе. Мы только кажемся при деле, а это просто потеря времени. Но никому не говори!

— У меня есть зацепка, Лепски!

При этих словах у Кэрол было такое чувство, будто она подсаживает своего мужа на барьер, ведущий к следующему повышению.

Она лукаво посмотрела на него.

— Как только я услышала Гамильтона по телевизору, я немедленно отправилась к Мешабель Вессиндер. Я уверена, что это единственный человек, которому по зубам разгадать это дело.

— Эта старая крыса? Ты с ума сошла! Крошка, дай мне лучше чистую рубашку. Я уезжаю на всю ночь. Можешь сделать мне пару бутербродов? Что у нас в холодильнике? Осталось что-нибудь от говядины?

— Послушай, Лепски, — твердым голосом сказала Кэрол. — Мешабель стара, но она не крыса. У нее есть власть. Я сказала ей, как это важно для тебя, и она...

— Подожди! — Лепски выпрямился и подозрительно посмотрел на нее: — Ты что, пошла ее моим виски?

Вскочив на ноги, он помчался к бару. Его любимой бутылки "Кетти Старк" не было. Он посмотрел на пустое место и выкрикнул в лицо Кэрол:

— Ты дала этой старой кляче мое виски!

— Она не кляча. Конечно, она иногда любит выпить... Да, я дала ей виски, все равно...

Лепски ослабил узел галстука.

— Не твое дело, сколько я пью! Ты думаешь...

— Замолчи! Я хочу, чтобы ты выслушал меня, — Кэрол повысила голос.

— Конечно, конечно, — Лепски запустил пальцы в свои волосы. — Ты пошла к ней, и она взяла свой волшебный кристалл и за бутылку моего лучшего виски сказала тебе, кто убил Мак-Квина? Верно ведь?

Кэрол пожала плечами:

— Все именно так и было. Это может помочь следствию. Мешабель увидела убийцу в кристалле.

Лепски завыл, как пневматический молот. Потом сорвал с шеи галстук и бросил его на пол и стал топ-

тать ногами.

— Не устраивай балаган, — холодно приказала Кэрол. — У тебя бывают минуты, когда ты ведешь себя как ребенок.

Лепски поморщился:

— Возможно... ты права, забудем эту крысу. Сделай мне говядину, если она, конечно, осталась.

— Ты слишком много думаешь о еде. А она видела этого человека. Он индеец. Одет в цветную рубашку. С ним еще двое — женщина и мужчина, но она их не рассмотрела как следует.

— Да неужели? — проворчал Лепски. — Это меня ничуть не смущает. Как только она добралась до моего виски, она, разумеется, не могла их рассмотреть. Я иду бриться и менять рубашку, а ты сделай мне бутерброды, поняла?

Кэрол сжала кулачки и ударила себя по коленям. Бывали минуты — а это была как раз такая — когда она умела не хуже Лепски нагнетать драматизм.

— Ты что, не понимаешь, идиот, что это зацепка? Реальная зацепка. Почему ты такой глупый? Я знаю, что она стара... но у нее есть сила... она медиум!

— Ты считаешь меня идиотом?

— Ты слышал, что я сказала! — Кэрол вскочила и стала наступать на него.

— По-твоему, я идиот? Хватит! Я иду переодеваться. Если осталась говядина, я хочу бутербродов! — И он направился в спальню.

Когда он вышел побритый и чистый, Кэрол ждала его с пакетом, который она швырнула ему прямо в руки.

— Говядина?

— Господи! Да!...

— Горчица?

— Да!

Он улыбнулся:

— Когда-нибудь встретимся, душечка. Забудь про эту старую крысу!...

Он потянулся чмокнуть ее в щечку, потом вихрем пронесся через сад к машине.

Лепски провел бессонную ночь, проверяя знакомых убитого, посещая ночные клубы, членом которых был Макквин. И ему, так же как и другим детективам, стало ясно — паника охватила весь город, как сообщение о предстоящем атомном взрыве.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Детектив второго ранга Марк Якоби торчал на ночном

дежурстве и подбирал материалы для утреннего доклада Терреллу. Ему помогали два молодых полицейских офицера — умные, но неопытные ребята. Рыжая голова, склонившаяся над бумагами, принадлежала Дасти Лукасу, каштановая — Рокко Хамблину. Они зевали так, что трещали челюсти, и не удивительно — это был уже сорок пятый рапорт, и ничего путного!

Якоби счел нужным вмешаться:

— Ничего, ребята! Это обычная полицейская работа. В сорок шестом рапорте может быть ключ ко всему делу.

— Да?... Кого вы хотите провести?

Тут зазвонил телефон. Снимая трубку, Якоби отметил время, было 22.47.

— Полицейский участок, Якоби, — бросил он привычно в трубку.

— Тут нужна помощь, — прозвучал мужской голос с властными интонациями, но слегка растерянный. — Побережье, Сегал. Пошлите кого-нибудь...

— Кто говорит? — спросил Якоби, записывая адрес.

Якоби знал по имени всех наиболее влиятельных граждан города. Малькольм был президентом яхт-клуба, президентом оперы, а его жена была одной из самых богатых женщин Флориды. Это делало его еще более влиятельным.

— Да, мистер Ридд, — Якоби выпрямился в кресле. — К вам выезжает наряд. В чем там у вас дело?

— Убийство, — коротко ответил Ридд и бросил трубку.

Через несколько секунд Якоби вызвал ответственного за участок, Стива Робертса, потом доложил Бейглеру, который уже ложился в постель, но, услышав имя Ридда, посоветовал вызвать самого Террела.

— Где Лепски? — спросил Бейглер, борясь с зевотой.

— Он уже дома. Уехал двадцать минут назад.

— Пошлите его туда, — сказал Бейглер и еще раз зевнул.

Теперь он уже знал, что сегодня спать не придется.

Бейглер и Лепски одновременно прибыли к маленькому роскошному бунгало. Этот домик был явно любовным гнездышком. Длинные лианы и густые заросли магнолий только подчеркивали его очарование.

Полицейская машина Робертса остановилась под пальмой, и Ридд вышел им навстречу.

— Я заглянул туда, сержант, и оставил все как есть. Вам это понравится. Это снова Палач.

Бейглер шагнул к дверям, махнув Лепски и Роберту, чтобы они оставались на месте.

Ридд сел в качалку посреди большой комнаты. Ему было лет пятьдесят, он был крепкого сложения, загор-

лос здоровое лицо было сильным и выразительным. Он походил на киноактера.

Ридд сидел с совершенно убитым видом, и это потрясло Бейглера. Бейглер знал этого человека и симпатизировал ему. Он знал, что его жена была фурией. Даже несмотря на то, что она попала в автокатастрофу и теперь проводила жизнь неподвижно, в качалке, она все равно оставалась фурией.

Ридд поднял голову.

— А, это ты? Заварилась чертова каша. Она там. — Он махнул рукой.

— Не падайте духом, — пробормотал Бейглер и пошел в спальню.

Там горел полный свет. Поперек комнаты стояла гигантская кровать с кружевным покрывалом. Подушки были обшиты голубым кружевом. На постели, лицом вниз, лежала обнаженная женщина. Бейглер сразу увидел нейлоновый чулок, обмотанный вокруг шеи. Затем его глаза остановились на гибкой загорелой спине. От шеи по пояса черной краской было написано одно слово: "ПАЛАЧ".

Некоторое время Бейглер молчал и смотрел на тело, затем печально покачал головой и, не обращая внимания на Ридда, вышел на воздух.

— Это опять наша птичка, — сказал он Лепски. — Вызови сюда наряд. А я увезу отсюда Ридда.

Он вернулся к бунгало.

— Сейчас сюда ворвутся газетчики. Я отвезу вас домой, Ридд...

Ридд тяжело поднялся:

— Хорошо... Я возьму свою машину. Поедем в Мала-Бей, это рядом.

Днем пляж Мала-Бей был всегда переполнен, но ночью тут было пустынно. Двое мужчин уселись друг перед другом прямо на песок.

— Господи! Ну и каша! — сказал Ридд. — Почему этот кретин выбрал меня? Это судьба! Я всегда приезжал сюда первым, но сегодня задержался, и первой приехала сюда Лиза.

— Кто она?

— Лиза Мендоза... Вы знаете мою жену? Конечно, мне не следовало этим заниматься, но я не молодею... можете называть это последним приступом молодости. Я встречался с Лизой. Что-то вспыхнуло между нами... Она была прелестна и одинока, как и я. — У него задрожал голос. — Вот и все. Я купил бунгало. Это было наше гнездышко.

— Сколько времени вы владеете домом?

— Года полтора, пожалуй. Мы оба знали, что это не навсегда... И что в этом мире постоянно?

— Как часто вы встречались?

— Каждую пятницу вечером. Это было решено между нами. Вот и сегодня пятница.

— Она не жила здесь?

— О, конечно, нет! Только для наших ночей служило это прекрасное гнездышко! У нее свой собственный дом. Мы выбрали пятницу потому, что в этот день моя жена рано ложится спать. У нас по субботам приемы, и она отдыхает перед ними.

— Кто знал о ваших встречах?

Ридд непонимающе взглянул на него:

— Знал?

— Вы кому-нибудь доверились? Вашим друзьям, например?

— Что за странный вопрос!

Бейглер потерял терпение.

— Тут нет ничего странного. Вы слишком заняты тем, что с вами случилось. Я занят убийцей, который уже убил двоих и убьет третьего, если мы ему не помешаем. Он знал привычки Мак-Квина. Кажется, он знал и ваши... Ваша связь была тайной? Кому вы могли довериться?

Ридд кинул сигарету в песок.

— Да... Понимаю. Это звучит... Я доверился двум-трем близким приятелям, но они не убивали... — Кто же они?

— Харриет Грин, это моя секретарша. Это она снимала бунгало. Девид Бентли. Я плавал с ним, он мой близкий друг. Терри Томсон, он владелец оперы и приятель Лизы. Он знал все и не осуждал нас. Еще, пожалуй, Люк Вильямс — он был моим алиби для вечеров в пятницу. Моей жене это нравилось. Она считает, что мне полезно заниматься гимнастикой.

При лунном свете Бейглер записал все имена в свой блокнот.

— Вы говорили, что задержались, потому что у вас была проколота шина?

— Да. Я подошел к машине и увидел, что колесо спущено. По пятницам я вожу машину сам, поэтому колесом тоже занимался сам. Обычно я приезжаю в бунгало к девяти часам. Я не беспокоился, потому что знал, что Лиза меня ждет. Опоздав на полчаса, я нашел ее в постели. Все. Что еще?

Бейглер колебался. А вдруг он поссорился с женой и убил ее? Может, это слово "Палач" просто уловка? Но взглянув на горестное лицо собеседника, он поверил ему.

— Ну, теперь по домам. Шеф встретится с вами, мистер Ридд.

Ридд поднялся, лицо его было почти белым, губы дрожали. Он вдруг протянул Бейглеру руку:

— Спасибо, ...

— Все прояснится.

— Да...

Ридд сел в машину и уех... забыл проявлений слабости ...

Сидя один в душной тес... экензор. Он приказал Чак... лться как можно позднее.

Толстый взволнованный ... он описывал любовное ... ездом длинное тело Лизы М... вынесли из бунгало и уложил...

— Итак, палач приходит ... перь Лиза Мендоза, извес... стрелки смотреть, палач изу... же тех. Нет ни одного чело... сегодня вечером не задал бы... такой лунатик вернется вно... жертвой. Со мной вместе шеф...

Тохола улыбнулся. Атмо... смотрел, как Террел расша... маться, и знал, что бога... ему ни на грош. Теперь нуж... стоящей паники, необходимо... зом города.

Нужно срочно впутать в ... использовал его только для к... балкона у машины Ридда.

Следующее убийство буд... ну заработать свои деньги. Е... чтобы тот уже никогда не выс...

Затем Тохола снова стал ... резачу. Теперь комментатор ... инжасец слышал их шепот.

— Господи! Вы уверены?

Другой кивнул и вышел ... платком пот со лба и поверну...

— Граждане! Я только ... ды Ридда мертв, это, конеч... я меня. Возвращаясь домой по... Бейглер управление. Машина ...

Тохола встал на ноги и ... ажнее, чем он предполагал. ... Он взглянул на часы. Бы...

— Спасибо, что вы все поняли.
— Все прояснится.
— Да...
Ридд сел в машину и уехал. Бейглер поморщился: он не любил проявлений слабости у мужчин...

Сидя один в душной тесной каморке, Тохола смотрел телевизор. Он приказал Чаку повести Маг на танцы и вернуться как можно позднее.

Толстый взволнованный мужчина, размахивая микрофоном, описывал любовное гнездышко. Несколько минут назад длинное тело Лизы Мендоза, покрытое простыней, вынесли из бунгало и уложили в машину.

— Итак, палач приходит опять! — Сначала Мак-Квин, теперь Лиза Мендоза, известная виолончелистка. На нее страшно смотреть, палач изуродовал ее, надпись идет через все тело. Нет ни одного человека в нашем городе, который сегодня вечером не задал бы себе вопроса, когда этот жестокий лунатик вернется вновь и кто будет его следующей жертвой. Со мной вместе шеф нашей полиции Террелл...

Тохола улыбнулся. Атмосфера ужаса разрасталась. Он смотрел, как Террел расшаркивался, убеждая людей не волноваться, и знал, что богатые испуганные люди не верят ему ни на грош. Теперь нужно еще одно убийство для настоящей паники, необходимой его плану, и он будет хозяином города.

Нужно срочно впутать в это дело Чака. До сих пор он использовал его только для кражи винтовки и для прокола баллона у машины Ридда.

Следующее убийство будет другим. Настало время Чаку заработать свои деньги. Ему нужно так запугать Чака, чтобы тот уже никогда не выскочил из его рук.

Затем Тохола снова стал внимательно смотреть телепередачу. Теперь комментатор шептался с другим человеком, и индеец слышал их шепот.

— Господи! Вы уверены?

Другой кивнул и вышел из кадра. Комментатор вытер платком пот со лба и повернулся к камере:

— Граждане! Я только что узнал, что мистер Мальколь Ридд мертв, это, конечно, потрясет вас, как потрясло и меня. Возвращаясь домой после полицейского допроса, он потерял управление. Машина свалилась в море возле Вест-Пойнта. Ридд...

Тохола встал на ноги и потянулся. Все складывалось удачнее, чем он предполагал.

Он взглянул на часы. Было несколько минут после по-

луночи. Тохола выключил телевизор, снял свою цветную рубаху, голубые джинсы и пошел принимать душ. Затем надел льняную пижаму и лег. Выключив свет, он стал вспоминать, как ворвался в бунгало. Задняя дверь была на запоре, но он пролез в приоткрытое окно и стал ждать в темноте. Она приехала в 21.15 — так он понял из разговора Ридда и двух его приятелей, пока делал им коктейли. Тохола стоял за ширмой в большой спальне и видел, как она раздевалась. Она сбросила чулки, и они упали в каком-нибудь метре от него. Тохола думал задушить ее просто руками, но она сама бросила орудие убийства...

Вдруг завизжали тормоза — кто-то приехал. Отогнув занавески, Тохола выглянул в окно. Чак и Маг шли к своему номеру. Он слышал, как хлопнула дверь и заворковали два голоса.

Тохола снова потянулся в постели.

"Завтра последнее убийство, — подумал он. — Затем наступит самое главное"

Все произошло, как он хотел. Через неделю станут приходить деньги. Думая о деньгах, Тохола и не заметил, как заснул...

Кабинет майора Хедли был ярко освещен. Было полтретьего ночи. Он хотел отделаться от Гамильтона и только что выпроводил его и еще пятерых газетчиков за дверь. Они так допекли его, что он сидел весь потный и злой.

Его жена, Моника, сорокатрехлетняя женщина, тип женщины-матери, умная и приятная, сидела в кресле напротив. Шеф полиции Террел сидел справа.

— Лоусон, успокойся, дорогой! — проворковала Моника. — Ты так заработался!

— Успокоиться? — взорвался Хедли. — Успокоиться! Ты что, не понимаешь, что это может стоить мне места? Успокоиться! С этим убийцей-лунатиком под боком!

Моника и Террел переглянулись.

— Но, душа моя, если ты потеряешь работу, разве это поможет убрать преступника?

Хедли сжал зубы и застонал.

— Ты не понимаешь всего, Моника! Уйди лучше. Я хочу поговорить с Фрэнком.

— Но я все понимаю, Лоусон...

— Нет! Ты не понимаешь того, что уже весь город взлетел на воздух!

— Разве? — Она встала и подошла к большому окну. Кругом были огни, свет и музыка. Единственные люди в городе, которые этого не понимают, — это кучка газетчиков.

— Моника! Иди спать!

— Да, конечно. — Она улыбнулась Террелу и пошла к

двери. — У Лоусона на все слишком циничные взгля-
ды, — бросила она и скрылась за дверью.

Мужчины остались вдвоем. Террел посмотрел на Лоусона.

— Ты ведешь себя, как старая дева, к которой в кровать залез мужчина...

Хедли вспыхнул:

— Ты что? Это мне?...

— Да, голубчик. Я шеф полиции уже пятнадцать лет. Я делаю свою работу и знаю то же, что и ты. Если у нас появился убийца и уложил двоих — не стоит поднимать шум в курятнике. Ты понял? Подумаешь, убийца!

— Но ведь это у нас в городе!

— А что особенного? Я тебе объясню. Наш город — это заповедник самых богатых, самых вульгарных и самых неприятных людей во всей стране. И появился убийца — лиса среди жирных гусей. Если бы это случилось в другом городе — ты бы об этом и не читал даже сегодня.

Стараясь подавить дрожь в голосе, Хедли сказал:

— Мой долг защищать этих людей! Мне плевать, что там происходит в других местах! Главное, что происходит у нас!

— А что тут произошло из ряда вон выходящего? Убили двоих. Если удариться в панику — все равно его не поймаешь. Сидишь и болтаешь напрасно!

— А что делать?

— Я его найду. Через некоторое время, но найду. А пока я понимаю только одно — вы с газетчиками создаете атмосферу, которая только на руку убийце.

Хедли подскочил:

— Что ты говоришь?! Два убийства! И что, какие улики? Никаких следов! Что ты говоришь!

Террел вытянул ноги под креслом.

— Я тут прожил всю жизнь, и тут первый раз "запахло керосином". Здесь было все: деньги, секс, коррупция, скандалы и ненависть, но никогда не было ужаса и страха. А теперь вот он, ужас!

— Ну и пусть! В чем ты меня можешь обвинить? Что я, помогал этому лунатику?

— Ты не думал, с какой целью совершены эти преступления. Зачем этот убийца ходит поблизости? Когда у меня в хозяйстве убийца, я всегда спрашиваю себя, какая тут причина.

— А почему ты все сваливаешь на меня? Это твоя работа.

— Правильно. Это моя работа. Ни одно убийство не бывает без причин. Но тут нам пришлось бы долго искать. Мак-Квин был миллионер. Лиза — музыкант. Между ними

нет никакой связи. Кого нужно было убить — хорошо продумано убийцей, эти имена должны были произвести впечатление на окружающих. Он знал, что с этими именами он получит первые полосы в газетах. Этим он и добивался поднять панику в городе. Пока я не нашел ничего другого, самая вероятная причина убийств — создать панику в городе.

— Ну, уж это глупость! Зачем убийце паника?

— Но он же это сделал. И это, на мой взгляд, пока единственное, что у нас есть.

Хедли подумал некоторое время и плотнее уселся в кресле.

— Я уже устал. На сегодня с меня хватит. Как я подумаю... И потом, зачем ему [illegible] всех пугать до полусмерти?

— Но он это сделал? Разве не так?

— А нам что, грешным, делать?

— Прежде чем вернуться к себе, мне [illegible] жно знать — за меня ты или против?

— За тебя? Конечно!

— А вдруг я потеряю работу? Ты хочешь нового шефа полиции?

Хедли похолодел:

— Зачем, черт побери, мне это нужно? Только ты можешь поймать этого кретина, я уверен в этом!

Террел поднялся.

— Правильно. И я это сделаю. А теперь надо ликвидировать панику.

— Скажу об этом завтра этому лунатику! Ему это так нужно! Он, бедный, ведь этого не знает, — вдруг раздался голос Моники, входящей в дверь.

Оба повернулись к ней, только сейчас поняв, что она слышала весь их разговор.

Хедли вдруг обмяк. Он выглядел сонным и разбитым.

— Террел! Хочешь взять ее у меня с рук на руки?

Террел тоже обмяк. Он подмигнул Монике:

— Если бы у меня не было своей, я бы освободил тебя от этого бремени! Все они одинаковы...

— Ты хочешь, чтобы я поехал завтра к начальству?

— Конечно! — сказал Террел.

Он коснулся руки Моники и спустился вниз...

Джек Андрес, швейцар отеля "Плаза", стоял на красном ковре перед входом мраморного портала, ведущего в лучший отель города. Его умные серые глаза смотрели вдоль бульвара, большие руки были сложены за спиной.

Андрес был ветераном второй мировой войны и обладал впечатляющим набором медалей. Последние двадцать лет он был швейцаром этого отеля. Утро было отличное, и

Андрес, расставив ноги, стоял, отдыхая. Через два часа начнется подъезд машин для коктейля перед ленчем, и у него будет масса работы — расставлять машины, вызывать портье и отвечать на идиотские вопросы, а также собирать долларовые банкноты.

Никто из клиентов никогда и не собирался говорить с Андресом без долларовой бумажки. Но сейчас был только обед и он не ждал никаких вызовов и позволил себе слегка расслабиться.

Полицейский Педли Мак-Нейл — массивный старый ирландец, который следил за порядком на бульваре и опекал старых и богатых, остановился передохнуть рядом с Андресом. Эти двое были приятелями. Их дружба выросла из одних встреч, когда Андрес в любую погоду стоял у стеля. Мак-Нейл же каждый раз подходил к нему поговорить о том,о сем.

— Как ваш... Пади? — спросил Андрес при виде Мак-Нейла. — Я слушаю радио, все мои старушки дрожат от страха.

— Не только твои старушки, — сумрачно ответил полицейский. — Мне еще хорошо — я на посту. А вот все наши гоняются за этим зайцем. Принесла его нелегкая на нашу голову. Даже из Майами прислали сюда на подмогу двоих! А что они там, в Майами, знают о нашем городе?

— А ты что, уверен, что в словах Гамильтона есть правда? — спросил Андрес.

Он любил подкалывать своего приятеля.

— Гамильтон? — фыркнул тот в ответ. — Я никогда не слушаю этого трепача. Он всегда создает неприятности. А что он сказал?

— Что этот убийца — маньяк, человеконенавистник и что у него зуб на богатых людей.

Мак-Нейл сдвинул фуражку, чтобы почесать затылок.

— Не нужно быть маньяком, чтобы не любить богатых, не могу сказать, чтобы я сам любил их.

Андрес подавил улыбку.

— Но у них есть свои преимущества.

— Можешь не говорить. Мне бы не хотелось поменяться с тобой работой.

— Она не такая уж плохая. Нужно только знать, как с ними обращаться. Думаешь, вы его поймаете? Может, ты его и поймаешь, а?

— Я?! — Мак-Нейл покачал головой. — Ко мне это не относится. Я слишком стар, чтобы ловить кого-нибудь. Я, как и ты, на боевом посту. Но Террёл... у него голова! На это нужно время...

Блестящий "ройс" песочного цвета подъехал и остано-

вился. Оставив Мак-Нейла, Андрес уверенно вышел на площадку и распахнул дверцу машины.

— Привет, Джек!

Приятный толстый человек, который вылез из машины, был Родней Бланкенштейн. Это был преуспевающий юрист корпорации. Он каждое утро приезжал в отель на свидание со своим клиентом.

— Миссис Данк Броулер еще не появлялась?

— Слишком рано для нее, сэр. Еще пятнадцать минут.

Пока шофер отгонял "ройс" назад, Мак-Нейл подошел поближе к Андрессу.

— У тебя не болят пальцы, Джек? — участливо спросил он.

— Нет. Но не подумай чего дурного, но это потребовались годы.

— Да? — с сомнением спросил Мак-Нейл. — Я тут стою на посту много лет и никто за все это время и не подумал дать мне доллар.

— Я — это персона, — ответил Андрес. — У тебя неудачная внешность.

Худенькая, маленькая женщина с [illegible]-голубыми волосами, морщинистой кожей и скрюченными пальцами, которые были унизаны дорогими перстнями, пританцовывая, вышла из отеля.

Андрес сразу же очутился рядом:

— Миссис Клайтон!

Наблюдая за ним, Мак-Нейл был потрясен, увидев выражение угрюмой нежности на его красном лице.

— Куда это вы отправились?

Маленькая женщина засмущалась и восхищенно посмотрела на Андреса снизу вверх.

— Я полагала, что могу выйти немного погулять.

— Миссис Клайтон! — забота в голосе Андреса была такой явной, что трогала даже Мак-Нейла. — А что доктор Лаверштейн разрешил пойти вам погулять?

Маленькая женщина виновато улыбнулась:

— Нет, Андрес... если честно.

— Конечно, нет!

Андрес взял ее за локоть и тихонько начал подталкивать обратно к лифту. — Оставайтесь дома, миссис Клайтон, а я скажу мистеру Бивани, чтобы он вызвал доктора. Я не могу разрешить, чтобы вы ушли без его разрешения. Разве не так?

Через несколько минут Андрес вернулся и опять стал на свой красный ковер. Мак-Нейл стоял на месте. Его маленькие ирландские глазки поблескивали.

— Это миссис Генри Вильямс Клайтон, — сказал ему Андрес. — Ее старик сыграл в ящик пять лет тому назад,

оставив ей пять миллионов долларов.

Глаза Мак-Нейла широко раскрылись:

— Ты это серьезно? Этот старый мешок костей стоит пять миллионов?

Андрес нахмурился:

— Ну, вечно ты грубишь!

— Да, ты прав. — Помолчав, Мак-Нейл спросил: — Ты вроде присматриваешь за ней?

— Это способ как с ними обращаться. Она любит это и знает, что я единственный человек, который о ней заботится.

— У вас есть еще такие старушки?

— Отель набит ими сверху донизу. Одинокие старые люди, у которых много денег. Это грустно.

— Это не заставило бы меня грустить. Ладно, оставляю тебя с ними. Увидимся. Сколько она тебе дала?

Андрес подмигнул.

— Это профессиональная тайна, мой друг!

— Господи! Я не на такой работе!

Покачивая головой, Мак-Нейл отправился вниз по бульвару. Его большие башмаки мерно отбивали шаг...

Лежа на животе в кладовой ночного клуба Пелона, Тохола смотрел, как высокий полицейский уходил все дальше и дальше. Он смотрел ему вслед через прицел оптической винтовки.

Тохола сидел тут уже три часа. Четырехэтажное здание клуба стояло на горе как раз перед отелем "Плаза". Индеец подъехал туда в "бьюике" в шесть часов, когда он был уверен, что его никто не заметит, как он вылезает из машины и несет винтовку. Тохола знал клуб — старое здание, самое старое во всем городе. Но Тохола понимал также, что выбраться оттуда будет трудновато, когда заварится каша. На бульваре теперь много народу, соседние дома с лоджиями кишат людьми, и он рисковал, что его увидят. Но он все-таки шел на риск.

Индеец взглянул на часы, было 9.43. Он снова прилепился к прицелу и стал рассматривать бульвар.

Движение усилилось, и тут Тохола в людской толпе увидел Чака. Тот появился вовремя, даже немного раньше, но это было даже хорошо. Он был одет в полосатую белую рубашку и серые шорты. Чак был одет точно так же, как и остальные люди, которые приехали в город купаться и тратить деньги. Он шел один, читая газету.

Тохола слегка подрегулировал прицел и навел фокус на лицо Чака. Ему было видно, что Чак вспотел. Это было

понятно — у него была непростая задача, такая же опасная, как и у самого Тохолы.

Индсец взглянул на часы — оставалось несколько минут. Он вновь навел винтовку на вход в отель. Сфокусировав прицел на седых волосах Андреса, он подумал, что выстрел будет точным.

Не зная, что происходит, Андрес в это время отвечал на улыбки и кивки, отдавая честь и щурился на ярком солнце.

Когда в моду вошли мини-юбки, раздельные лифчики и прозрачные платья, жизнь Андреса стала очень интересной. Он с одобрением смотрел на проходящих мимо девушек. Как швейцар, он получал деньги от толстых и богатых, но это не означало, что ему разонравились и перестали волновать длинные ноги, колышущиеся бедра и пышная грудь.

Вскоре появилась миссис Данк Брослур. Андрес ждал ее. Неизменно в одно и то же время она выходила на улицу. Он отдал ей честь, и ее улыбка стала еще приятнее. Эту улыбку он изображал на своем лице только для самых близких друзей.

Миссис Данк была коротенькая, плотная. Ей было около шестидесяти. Но слово "плотная" не отражало сути дела. Поглощая ежедневно пять сытных обедов, она за пятьдесят лет сумела покрыть свой небольшой костяк толстым слоем жира. В этом ей мог бы позавидовать и слон!

Она была одной из многочисленных экстравагантных дам, которые постоянно жили в отеле. Разумеется, она была богата, правда, никто не знал точной суммы ее состояния, но то, что она занимала лучший номер и платила за него триста долларов в сутки и жила там одна, — одно это говорило, что денег у нее хватало.

С тех пор, как четыре года назад она потеряла мужа, она купила большую толстую собаку, красная цена которой была доллара три-четыре. В собаке было что-то приятное, но, на взгляд Андреса, ей не хватало породы.

— Мать этой собаки, должно быть, места себе не находила от стыда, — сказал он, обсуждая пса со своим сменщиком.

Но для миссис Данк ее Люси была самым дорогим ребенком, самым ценным сокровищем, другом, компаньоном, и Андрес, который понимал людские слабости, прощал старуху за столь неумелый выбор друга жизни.

Итак, когда появилась миссис Данк в совершенно умопомрачительной шляпке с искусственными вишнями, абрикосами и лимонами и легком белом халате, то она повела Люси делать утренний моцион.

Андрес был рядом.

— Доброе утро, мадам, — сказал он, чуть подмигнув. — Как здоровье мисс Люси, мадам?

Миссис Данк засияла от удовольствия. Она подумала, что Андрес просто душечка, а его интерес к Люси, ее дорогой Люси, наполнял ее сердце признательностью.

— Очень хорошо. Прхсто очень хорошо!

Смотря на перебиравшую лапками собаку, она продолжала:

— Люси, дорогая, скажи милому Андресу спасибо и доброе утро.

Собака посмотрела на Андреса безразличным взглядом и сделала лужу на красном ковре.

— О, Боже! — Миссис Данк беспомощно смотрела на Андреса. — Мне нужно было вывести свое сокровище пораньше! Моя вина, моя...

Ковер надо было [illegible] почистить и постелить новый, но это не было делом Андреса.

Если старая дама [illegible] по триста долларов в день, она имеет право немного [illegible] капризничать.

— Неожиданности [illegible] никогда не предвидишь, мадам, — скромно улыбаясь, сказал Андрес. — У вас будет чудесная прогулка.

— Да, утро чудесное. Пока Люси завтракала, я слушала птичек. Они...

Это было последним, что проговорила миссис Данк. Пуля снесла ее умопомрачительную шляпку и попала в голову. Она рухнула на ковер, как пораженный насмерть слон.

Долю секунды Андрес смотрел на мертвую женщину у своих ног, затем в нем заговорила армейская закалка. Он видел стольких людей, сраженных снайперским выстрелом в войну, что сразу же понял, что произошло. Зорким взглядом старого соллата он быстро осмотрел соседние крыши.

Пока визжали женщины, шарахались в сторону люди и тормозили машины, он заметил отблеск стекла, а потом и человека, быстро пробежавшего по толстой стене внутреннего дворика ночного клуба.

Андрес не стал терять времени. размахивать руками и кричать. Растолкав толпу, он выскочил на дорогу и быстро добежал до конца бульвара.

— Джек! — не останавливаясь, на бегу, крикнул Андрес. — Этот подонок там, наверху, мы его поймаем.

Но годы, спокойная жизнь и виски не делают человека спортсменом. Он стал замедлять шаг, и его обогнал Мак-Нейл.

— Я видел его! — выдохнул Андрес. — Давай на пожарную лестницу!

Мак-Нейл кивнул и бросился к пожарной лестнице, на

ходу растегивая кобуру. Люди расступались перед ними, но никто не последовал за ними, чтобы помочь. Это было дело полиции, зачем же им ломать себе шею?...

Когда Тохола стал спускаться по пожарной лестнице, Мак-Нейл как раз вылетел из-за угла. Они увидели друг друга одновременно. Мак-Нейл заметил, что в руках у индейца винтовка. Он поднял руку с пистолетом и только хотел спустить курок, как страшный удар в грудь сбил его с ног, и он рухнул на спину, прямо на тротуар.

Оставшиеся десять ступенек Тохола перекрыл одним прыжком и кинулся к месту, где стояли машины. Поднявшийся Мак-Нейл, чувствуя, будто [illegible] сердце вонзили гвоздь, заставил себя снова прицелиться.

Тохола, увидевший дуло пистолета, [illegible]нулся, и полицейский промахнулся. В следующее [illegible]ение пула попала Мак-Нейлу в голову.

Метнувшись назад, Тохола влет[illegible] автостоянку. Глаза его сверкали, он весь дрожал, [illegible]ьствуя опасность. На стоянке стояло несколько [illegible], оставленных на ночь. Найти среди них незапер[illegible] было делом одной минуты. Скользнув на заднее [illegible]ие одной из них, Тохола спрятался там.

С раскрасневшимся от бега лицом на стоянку вбежал Андрес. Он сразу же наткнулся на тело Мак-Нейла.

Быстрый взгляд на тело друга сказал Андресу, что тот мертв. Он выхватил из мертвой руки пистолет и направился к дальнему выходу со стоянки, уверенный, что стрелявший побежал туда.

В этот момент на стоянке появилось трое мужчин с перепуганными лицами. Увидев Андреса и узнав по его форме, что он швейцар отеля "Плаза", они собрали все свое мужество и кинулись следом за ним.

Тяжело переводя дыхание, Тохола видел, как они убегали. Он достал платок и аккуратно вытер им ружье, потом поднял сиденье и спрятал там оружие так, чтобы его не было видно.

На стоянке стал собираться народ, завыли сирены полицейских и санитарных машин. Выскользнув из машины, Тохола не спеша присоединился к толпе около мертвого полицейского. На него никто не обратил внимания. Тохола, как и остальные, все еще стоял, глазел, когда стоянка стала заполняться полицейскими. Он подождал, пока всех оттеснили к выходу, затем медленным шагом пошел по бульвару к своему "бьюику".

Пока все это происходило, Чак, потный и дрожащий, стоял в толпе, окружавшей тело миссис Данк. Никто не смотрел на ее собаку, которая стояла, прижавшись к стене.

Чак протянул руку к ее ошейнику. Люси не любила по-

сторонних и зарычала. Тогда Чак схватил ее. За ним никто не наблюдал. Только когда тело, накрытое простыней, унесли, разогнали толпу и сменили ковер, помощник портье, сам большой любитель собак, вспомнил про Люси.

Он нашел небольшой конверт, засунутый за ошейник. В конверте была записка, состоящая всего из одного слова, написанного большими буквами: "ПАЛАЧ".

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Известие, что убийца гуляет по городу, в котором живут богатые бездельники, появилось на первых полосах газет всего мира. Газетчики, телекомментаторы и прочие работники прессы ринулись сюда, жаждя сенсаций, как стая голодных волков. Они заняли все отели, гостиницы и даже готовы были жить в палатках под деревьями.

Все они примчались сюда ради одного человека — Андреса, единственного, который видел Палача воочию. Но прежде, чем они появились, Андрес после короткого разговора с дирекцией гостиницы "Плаза" ушел со сцены. Хедли уверил его, что Андресу некоторое время полезно пожить у брата в Далласе. Андрес был достаточно умен, чтобы понять ситуацию: старые, богатые и пугливые люди больше не будут благосклонно смотреть на него, если он начнет выступать по телевидению. Свет рампы был их прерогативой, а не какого-то швейцара.

Прежде чем его удалили из города, он имел долгий разговор с Бейглером, при котором присутствовали Террел и Хедли. Бейглер знал, что он имеет дело со старым солдатом и что этому опытному умному человеку можно доверять.

— Давай все сначала, Джек, — Бейглер заглянул в бумаги. — Миссис Данк всегда выходила из отеля ровно в 9.45, верно?

Андрес кивнул.

— Так было всегда?

— Да.

— И сколько это продолжалось?

— Пока она жила в отеле... лет пять.

— Миссис Данк была хорошо известна. У нее были странности?

— Да.

— И много народу знало, что она всегда выходит из отеля в это время?

— Да.

— Хорошо, Джек. Мы это выясним. Теперь перейдем к выстрелу. Когда ты с ней разговаривал, то, как ты гово-

ришь, все это и случилось. Давай-ка вспомним это еще раз.

— Я уже говорил: взглянув на рану в голове, я сразу же определил, что в нее выстрелили из винтовки с оптическим прицелом. Тогда я оглядел ся — снайпер мог стрелять только из двух точек, но самым удобным местом был карниз кладовой ночного клуба Пелота. Взглянув туда, я увидел убийцу.

— Хорошо. Давай еще раз, медленнее. Ты говорил, что видел убийцу мельком. На что это было похоже? Твое впечатление? Верное или неверное, но сейчас нас интересуют только твои впечатления.

Андрес на минуту задумался.

— Я увидел, как кто-то зашевелился. Как только я засек это движение, я понял, что там человек. Определил я это по тому, как он отшатнулся за трубу. Было понятно, что это и есть снайпер. И еще я заметил, как блеснуло стекло прицела.., ну, я и побежал за ним.

— Я не об этом спрашиваю, — терпеливо сказал Бейглер. — Ты мне это уже рассказывал. Я спрашиваю, на что он был похож, как ты его себе представляешь?

Андрес удивленно посмотрел на Террела и Хедли, потом снова повернулся к Бейглеру:

— Я говорю то, что видел.

— Какой он был — белый или цветной? Только твое впечатление. Мне плевать — прав ты окажешься или нет. Белый или цветной?

— Цветной. — Но тут же Андрес вдруг покачал головой: — Я не знаю, почему я так думаю. Я его хорошо не рассмотрел. Только так вдруг что-то зашевелилось.

— Но у тебя все же сложилось впечатление, что это был цветной?

— Не знаю... Может быть, он был загорелым... Я не могу в этом поклясться. Я не знаю, почему мне так кажется, но, по-моему, это цветной.

— Во что он был одет?

— Не знаю... Я же сказал, что...

— Какая у него рубашка? Белая, пестрая или черная?

— Может, пестрая. — Андрес почесал свой толстый подбородок. — Я хочу помочь вам, но не хочу говорить того, в чем я не уверен.

Бейглер посмотрел на Террела. Тот кивнул.

— Ну, спасибо, Джек. Вы нам помогли.

Когда Андрес ушел, Хедли сказал:

— И вы называете это помощью? Вы сму битый час вталкивали свои собственные мысли!

— Конечно, что-то в этом роде было. Но у Андреса тренированный взгляд, — коротко сказал Террел. — У него взгляд солдата. Я уж лучше положусь на его впечатления.

чем на солидные свидетельства тех толстых кретинов, которые окажутся на месте. Андрес нам помог.

Пожав плечами, Хедли вскочил:

— Три убийства! А что у нас есть? Ничего!

— Я полагаю, что у нас есть нечто. Полицейская работа — дело тонкое. У нас есть одна конкретная и одна абстрактная зацепка. Теперь мы знаем, что этот человек не работает один. Кто-то проколол шину у машины Ридда, и он задержался, а тот парень нашел Лизу одну. Кто-то засунул письмо за ошейник собаки. У этого парня есть помощник. Известно, что он цветной. Нет, у нас определенно что-то есть.

— А что это стоит? — спросил Хедли. — Этот лунатик...

Террел взял его под руку и повел в комнату детективов: там давали показания многочисленные свидетели. Допрос длинной вереницы людей, очередь которых выливалась даже на улицу, мог дать какую-то зацепку.

— Это обычная полицейская работа, Хедли, — подчеркнул Террел. — Кто-то из них может оказаться той "золотой курочкой". Рано или поздно мы до него доберемся.

— А тем временем он еще кого-нибудь укокошит.

— Когда-нибудь он ошибется, как и все.

— Что мне сказать прессе?

— Что мы ведем розыски, и больше ничего. Это важно. Если придется кого-нибудь отругать, ругай меня. Скажи, что мы делаем все возможное.

Хедли кивнул, прошел мимо длинной очереди свидетелей и не менее длинной очереди газетчиков.

Террел вернулся в одну из комнат отеля, где его ждал Бейглер. Двое мужчин старались не встречаться взглядами.

— Я все еще хочу понять причину. — Террел пододвинул к себе лист бумаги с пометками. — Все трое убитых играли в бридж по крупной и были членами клуба "Пятидесяти". А что мы знаем про этот клуб?

Бейглер знал город лучше Террела. Стоило задать ему любой вопрос, и он отвечал мгновенно, не задумываясь.

— Клуб "Пятидесяти"? Там только суперособы. Очень тщательный отбор членов. Входной взнос около пятидесяти тысяч долларов, а плата за членство — вдвое больше. Если вас возьмут туда, то вы можете считать себя снобом в этом городе, но вы должны играть в бридж, как профессионал.

— Итак, Мак-Квин, Ридд и миссис Броулер были членами этого клуба. Это уже кое-что. Да, в этом что-то есть... Мне интересно еще и то, что убийца знал распорядок дня своих жертв. Он знал, что миссис Данк выходит из отеля ровно в 9.45. Знал, что Мак-Квин уезжает в 9.03, и знал, что Лиза Мендоза будет вечером в пятницу в бунга-

ло. Это уже что-то. Этот парень наверняка местный.

Бейглер кивнул.

— Теперь будем искать человека, который знает все местные порядки. Может, это какой-то слуга в том клубе? Я прослежу за теми, кого назвал Ридд в своей исповеди.

— А ты думаешь, он может быть цветным?

— Черт его знает. Но Андресу так показалось.

Зазвонил телефон. Террел снял трубку и повернулся к Бейглеру.

— Это Данвас. Он признал свою винтовку и патроны. Но это нам ничего не даст.

— Но у этого парня теперь нет винтовки, правда?

— Это не мешает ему украсть еще одну, а? — сказал Террел, закуривая...

Если что-то Лепски ненавидел, а ненавидел он многое, то это было ведение допросов и писание донесений. Но он понимал, что такое работать в полиции, и только позволял себе подавлять вздохи при виде длинной вереницы свидетелей. Макс Якоби сидел за другим столом. Он только что взял показания у пожилого мужчины, видевшего смерть миссис Данк, и отделался от него. А Лепски освободился от старой леди, которая всплескивала руками, объясняя, что милый песик миссис Данк, конечно, видел убийцу и почему до сих пор полиция не обратила на это внимания?

Полицейские посмотрели друг на друга.

— Ну как? — спросил Якоби устало.

Понимая, что он начальник и старше Якоби по чину, Лепски сурово ответил:

— Такова работа в полиции, нужно долго копать, чтобы добраться до воды.

Якоби насмешливо покачал головой.

— А мы что, ее ищем?

Толстый лысый мужчина в цветных ярко-голубых шортах и белой куртке, плюхнулся со стоном в кресло перед Якоби. Тот застонал и потянулся за новой пачкой бумаги.

— Имя, фамилия?

"Ублюдки!" — подумал Лепски. — Чертовых три часа сидеть в этой душегубке и хоть бы что!"

Он потянулся за сигаретой, и тут его окутало облако дивного аромата духов. Подняв голову, он увидел перед собой девушку с рекламной обложки "Плей боя", которая участливо смотрела на него.

— Вы выглядите разочарованным и усталым, бедняжка, — промурлыкала она.

Лепски задрожал. Такую куколку можно было встретить нечасто. Она могла привести в расстройство целый полк солдат и действовала на мужчин, как удар — роскошная, высокая блондинка с большими фиолетовыми глазами

и длинными ресницами, которым позавидовала бы и корова. Лепски понял, что перед ним настоящая секс-бомба. Ее внешность заставила Лепски дрыгнуть под столом ногой. Он был убежден, что Якоби, толстяк в шортах, четверо детективов, приехавших из Майами, и трое полицейских, сдерживающих очередь, — все жаждали ее тела.

Лепски подтянулся и осмотрел помещение начальствующим взглядом. Все тотчас уткнулись в бумаги.

— Да?!

Он говорил своим отработанным полицейским голосом. Обычно это действовало безотказно, но на девушку это не произвело никакого впечатления.

Она одернула платье так, что одна ее тяжелая грудь более удобно разместилась в лифчике, потрогала свои шелковистые светлые локоны и повторила:

— Вы выглядите усталым.

Толстый мужчина в шортах одобрительно крякнул, глядя на ее округлые колени, и подтвердил:

— Она... девушка... права. Вид у вас действительно неважный.

Лепски скомкал [illegible] бумаги.

— Ты займешься [illegible] своим свидетелем? — заорал он на Якоби.

Ненависть в его голосе заставила толстяка втянуть голову в плечи. Теперь Лепски повернулся к девушке:

— Что у вас?

Девушка смотрела на него влюбленными глазами.

— Господи! Я слышала рассказы о полиции, но я никогда не думала, что полицейские похожи на вас... правда...

Лепски поправил галстук.

— Видите ли, мисс, мы заняты. — сказал он мягче. Ему польстило ее восхищение его особой. — В чем там у вас дело?

— Девушки мне сказали, что я должна пойти.

Лепски потянулся за бумагой.

— Ваше имя и адрес?

— Я Менди Лукас. Работаю и живу в клубе.

— В каком клубе?

— В клубе Пелота.

— И вы там живете?

Она поморщила хорошенький носик.

— У меня там комната... я там...

— Что вы хотите сказать, мисс?

— Я не знаю... это девушки мне... Немного душно здесь, не правда ли? Все эти люди... Но увидеть вас — господи! Когда я расскажу им о вас, своим девушкам, у них штанишки от зависти упадут!

Лепски заморгал. Он посмотрел на Якоби, который внимательно слушал, потом на толстяка, который тоже заморгал.

Вспомнив о своем чине, Лепски натянул на себя маску сыщика.

— В чем дело, мисс, что вы...

— Называйте меня Менди... никто из моих настоящих друзей не называет меня мисс.

Девушка устроила поудобнее свою грудь и повторила.

— Меня все называют Менди.

— Хорошо, Менди, — Лепски переложил карандаш справа налево, вытянул ноги, и у него заурчало в животе. — Теперь скажи, зачем ты сюда явилась?

— А это очень нужно? — ее ресницы трепетали. — Честно говоря, я только простая девушка, и я знаю, что вы, мальчики, сидите здесь в духоте.

— Да?! — Лепски чувствовал, что в нем все кипит. — Это наша работа. Не думайте, что я здесь зря трачу время на ваши чертовы... Я имею в виду... скажите мне...

— Господи! Как тут жарко! — Она встала, подмигнула ему, слегка подняла свою мини-юбку и снова села. — Вы женаты, мистер детектив?

— Женат, — сказал Лепски сурово.

Тогда она наклонилась к нему и прошептала неофициальным тоном:

— Тогда вы поймете. Эти чертовы резиновые штанишки — в них ужасно жарко.

У Лепски стало дергаться веко.

— А ваша жена не жаловалась на это?

Суровым тоном Лепски рявкнул:

— Менди! Зачем ты сюда пришла?

— Ах! Я забыла. Простите, я такая болтушка. А вам действительно это нужно? Правда?

— Валяй, — пискнул Лепски.

Голос у него совсем сорвался.

— Да... так вот, я видела этого парня. Он очень сексуальный. — Она наклонилась вперед, и ее юбочка стала полэти вверх по крепким бедрам. Лепски увидел прелестные прозрачные голубые трусики и под ними темное пятно волос. — Мне не нравятся темные. Не подумайте, что у меня предубеждение против цветных. Понимаете, да? Но обычно я их не жалую. Правда, бывает... Я говорю — мужчина есть мужчина, а этот был просто душечка.

Лепски стал выпускать воздух из носа, как старый паровой молот.

— Когда вы его увидели, Менди?

— Как раз после выстрела. Он меня разбудил... Выстрел, понимаете? Я слышала, как все закричали. — Она

опять поправила лифчик. — Когда меня разбудят, я как мертвая... А вы тоже так встаете? Понимаете, как мертвая... Глаза слипаются... голова гудит.

Руки Лепски превратились в крючья.

— Вы видели этого человека на стоянке?

— Да. Там было много людей... А вы уже что-нибудь узнали?

— Пытаемся.

— А, эти люди... Они напомнили мне эти игрушки на нитках, знаете, те, что дергают? Дети от них без ума!

Лепски затрубил, как охотник, который выходит из леса и тащит на веревке льва.

Мейди уставилась на него.

— Когда вы так гудите, мама говорила мне, что нужно извиниться и сказать "пардон".

Лепски помолчал, собрался с духом и спросил:

— Итак, люди скакали на ниточках? Что дальше?

— Этот бедный коп... этот, который лежал. Это меня потрясло. Представьте только! А потом я увидела, как этот мальчик вылез из машины!

Лепски откинулся в кресле. Он пропел про себя два куплета гимна США и постарался не сойти с ума.

— Вы видели мужчину, выходящего из машины на стоянке?

— Да! А разве я не так сказала? Честно признаться, так я никогда сама не знаю, что говорю...

Она встала и снова начала поправлять свою мини-юбку под взглядом мужчин со всех сторон. Затем снова уселась в кресло.

— Понимаете, со мной это бывает. Вы не сердитесь, верно?

Лепски ослабил узел галстука.

— Нет.

— Но я очень... Это делает мою жизнь очень жалкой...

— Вы сказали, что видели мужчину, выходящего из машины на стоянке. Это все, что вы хотели мне сказать?

— Это девчонки меня заставили идти к вам. Они сказали, что я должна заявить. — Она подавила нервный смешок. — Если честно, то мне не по себе. Я знала, что оторву вас от дела, но девочки...

— Никто не отрывает меня от дела. Я тут для того и нахожусь, чтобы вести допрос, — ответил Лепски. Он быстро написал что-то на листке и добавил:— Вы заявили, что видели мужчину, цветного, выходящего из машины на стоянке, где произошло убийство?

Она близоруко уставилась на листок и кивнула.

— Думаю, все верно. Но может быть, стоит написать, что это моя машина, что я не пользуюсь ею уже неделю,

потому что она сломана и стоит на стоянке?

У Лепски на лбу выступил пот. Он вдруг понял, что чуть не выпустил из рук "золотую курочку", потому что слишком устал от кучи людей, болтающих чепуху.

— И вы можете это подтвердить?

Менди подтвердила.

— Это девочки мне сказали, чтобы я заявила в полицию, но я думала, что это не так важно.

— Это очень важно! Что же вы еще видели? Расскажите подробнее.

Ее глаза широко раскрылись.

— Скажите еще раз.

— Господи, но я уже сказала. Ну разве это важно?

— Может быть, — сказал Лепски промокая лицо носовым платком. — Может быть...

Два часа спустя шеф полиции Террел попросил к себе мэра города. Хедли, белый и подтянутый, только что говорил по телефону, отвечая на звонки своих богатых друзей. Все просили о помощи, защите со стороны полиции. Их эгоистическая настойчивость и просьбы усилить о персональной охране привели его в ярость, и, когда он увидел Террела, то вздохнул с облегчением.

— К черту все! Понимаешь, куча народа немедленно уезжает из города... Как крысы!

— А нам какое дело до этого? — спросил Террел, садясь.

— Это жуткая вещь! Ты что думаешь... нам есть до этого дело!

— У нас удача!

Хедли махнул рукой:

— Удача?

— У нас есть описание убийцы. Я тебе говорил, станем копать и что-нибудь выползет. Но я не думал, что это произойдет так скоро.

— Тогда говори подробнее, бога ради!

— В клубе Пелота есть шесть девушек — они играют роль хозяек. Их комнаты наверху и выходят окнами на стоянку, где убили Мак-Нейла. Одна из них... Менди Люкас. У нее "форд", она им не пользуется, и он стоит на этой стоянке. Ее разбудил выстрел. Выглянув в окно, она увидела толпу вокруг тела полицейского, а потом заметила, как из ее машины вылез человек и присоединился к толпе. Теперь машина в участке. Под сиденьем мы нашли винтовку Данваса. У этого парня крепкие нервы, но он только не предусмотрел, что Менди подойдет к окну.

— Итак, девушка его описала?

— Она глупа до жути, но клянется, что всегда сумеет его опознать. Много у нас было свидетелей, которые кля-

лись, что узнают кого угодно, а потом терялись. Но она говорит, что это был индеец, а это уже совпадает с показаниями Андреса. Ему, по ее словам, лет двадцать пять, черные густые волосы, хорошо сложен. Она это подтверждает. Заметьте, не негр, а индеец. У него белая с желтым рубашка и темно-голубые джинсы.

Хедли хлопнул ладонью по столу.

— Наконец-то! Он оставил отпечатки пальцев на винтовке?

— Нет, он умен! Не оставил...

— Ты дал описание в газеты?

— Нет, дадим потом, но я хотел сначала поговорить с тобой. Мне не надо тебе объяснять, что тут у нас больше сотни индейцев в разных частях города. Они тут работают. Больше половины из них — молодые и носят цветные рубашки с джинсами... это их форма. Для многих людей индейцы не отличаются друг от друга. Это описание нам помогло, но оно может принести нам неприятностям.

— Да, это так. — Хедли нахмурился. — Я понимаю тебя... но у нас нет выбора. Нас, позицию, критикуют за действительно возмутительное молчание. Я сейчас созову газетчиков. Эту новость надо распространить.

Террел кивнул.

— Мои люди уже в индейском районе. Этот парень местный. Я в этом убежден. Хотелось бы, чтобы девушка сказала, что он был белый...

Террел вышел, а Хедли стал звонить газетчикам...

Маг лежала в кровати и ждала. Взглянув на стрелки часов, она увидела, что перевалило за полночь. Чак ушел, пока она спала, и не вернулся. Она не собиралась вставать и варить себе кофе. Она хотела кофе, но у нее не было сил, чтобы встать и приготовить его.

Хорошо было лежать просто так, ни о чем не думая. Она увидела за окном каких-то летящих ночных птиц и позавидовала им. Сейчас единственное, что ей хотелось — это улететь. Должно быть, это роскошная жизнь, — бабочки!

Маг закрыла глаза. Она ни на что не способна в этой жизни, ни чему не научена и ни к чему не пригодна...

Она задремала.

Проснувшись, Маг опять взглянула на часы и вдруг, отбросив простыню, села на кровати. Где же Чак? Он что, бросил ее? Она кинулась к окну, распахнула его и увидела хозяйку Берту. Во дворе не было ни одной машины. Где же Чак?

В панике она натянула скомканные джинсы, грязный свитер, сунула ноги в сандалии и бросилась к окну, потом к двери. Случайно она посмотрела в зеркало и остановилась.

Господи! На кого она похожа!

Маг прошла в ванную и плеснула водой в лицо. Потом вытерлась, провела расческой по своим длинным распущенным волосам. Выйдя из ванной, она в дверях увидела Чака и остолбенела.

— Где ты был? — истерично воскликнула она. Она была зла на него. — Я ждала, ждала. Где ты был?

Чак закрыл дверь. У него был печальный вид, и это ее испугало.

— Пакуй вещи. Мы уезжаем.

Он прошел в кладовку, схватил то немногое, что у него было, и бросил на кровать.

— А куда?

Он схватил ее за руку, повернул и ударил в грудь так, что она вскрикнула.

— Уложи вещи!

Маг отшатнулась:

— Еще чего!

— Хочешь еще? — Чак шагнул к ней.

— Нет!

Она стала быстро собираться. В это время открылась дверь и в комнату заглянул Тохола.

— Пакуй вещи, — сказал быстро Чак и вышел следом за Тохолой.

Тохола тоже укладывался.

— С ней все в порядке? — спросил он.

— Да.

— Ты знаешь, куда уехать и что делать?

— Да.

— Узнай, нужны ли хозяйке еще деньги? Будь с ней осторожен.

— Мы об этом уже говорили, — нетерпеливо сказал Чак.

— Да. Но помнить об этом надо всегда. Я ухожу. Не забудь — в 10.00 каждое утро.

— Я буду ждать.

Тохола забросил рюкзак за спину и добавил:

— Последний раз все прошло не слишком удачно. Этот коп сам напросился на пулю.

Чак промолчал.

— Полицейские ненавидят своих убийц: теперь они ненавидят тебя так же, как и меня. Если они нас найдут...

У Чака сузились глаза:

— Зачем тебе пугать меня?

Тохола взглянул на него.

— Я хотел тебе напомнить... она тоже при деле.
— Да... я не глухой.
— Ты обо мне услышишь.
Тохола вышел из комнаты.
Чак посмотрел ему вслед, потом вернулся в мотель.
Миссис Харрис сидела за столом и пила чай со сдобными булочками.
— Мы уезжаем, мадам, — сказал ей Чак.
Четыре подбородка Берты сузились до двух, и она подняла голову.
— Вы говорили, что остановитесь на неделю.
Ответ у Чака был готов:
— Мы встретили друзей. Они хотят, чтобы мы жили вместе. Мы вам заплатили за неделю вперед, верно? Мы вам должны еще что-нибудь?
Берта откусила булочку и, раздумывая, жевала ее.
— Нет. Полагаю, что мы квиты. У вас есть еще два дня, но вы не предупредили меня заранее, и я думаю, что мы в расчете.
— О' кэй! — Чак положил на конторку долларовую бумажку. — Это на чай. Спасибо за все, мадам. Нам было у вас хорошо. Если будем еще раз в вашем городе, то обязательно заедем к вам.
Берта кивнула.
— Всегда пожалуйста, — она взяла доллар. — А индеец с вами?
— Да. Мы уезжаем вместе.
Харрис слизнула с пальцев варенье.
— Он ваш приятель?
Чак был готов и к этому вопросу. Он покачал головой:
— Он просто хороший парень. Мы с женой подвезли его. Теперь он едет в Ки-Уэст, у него там работа. — Он улыбнулся. — Ну мы поехали. Всего вам хорошего, мадам!
Чак вернулся в комнату, где его ждала Маг с двумя чемоданами и рюкзаком.
— Пошли, — сказал Чак, беря чемоданы.
— А куда?
— Ты можешь научиться держать свой проклятый язык за зубами? Или ты хочешь, чтобы я промыл тебе рот мылом?
— Разве я не могу...
— Пошли!
Они вышли, и Чак бросил чемоданы на заднее сиденье "бьюика".
— А где Тохола? Мы что, не будем его ждать?
Чак так взглянул на нее, что она смешалась под этим взглядом и замолчала.
— Кто такой Тохола? О чем ты говоришь? — спросил

Чак, включая зажигание.

Маг начала что-то лепетать, но замолчала.

Машина понеслась вперед по направлению к городу. Проехав бульвар, Чак остановил машину, взял вещи и сказал:

— Пошли!

Маг покорно пошла за ним, сгибаясь под тяжестью рюкзака. Они прошли фруктовый рынок и вышли на грязную улочку с облезшими домами. Остановившись около последнего дома, Чак вошел в какую-то дверь, занавешенную москитной сеткой. В коротком темном коридорчике они наткнулись на толстого индейца семинола. Он сидел за столом и жевал куриную ногу.

— Мы тут записаны... мистер и миссис Джонс.

Индеец бросил кость куда-то в темноту, привстал и вытер пальцы о штаны, потом уселся обратно. Он улыбнулся, и во рту у него блеснули золотые зубы.

— Комната готова, мистер Джонс. Первый этаж, номер три.

— Я пойду за женой, — сказал Чак.

Индеец улыбнулся снова.

— Да-да, идите.

Эта комната выходила во двор. Там была двухспальная кровать, два ящика для одежды и, к удивлению Чака, телефон на ночном столике. Так называемая ванная и вонючий туалет были за дверью.

— Почему мы не остались в мотеле? — воскликнула Маг при виде всего этого. — Стоило лезть в эту дыру! — И махнув безнадежно рукой, она упала на кровать.

Чак посмотрел в окно. Там, на улице, кипела жизнь. Некоторое время он рассматривал толпу, потом подошел к постели. Маг взглянула на него.

— Если честно, то мне иногда кажется, Чак, что ты сумасшедший. Зачем мы уехали оттуда? Там, в мотеле, было так уютно!

Он посмотрел на нее блестящими глазами.

— В каком мотеле?

Маг задрожала и прижала ладони к щекам.

— Чак! Что с тобой? Ты что, смеешься надо мной? Я спрашиваю, где Тохола, а ты говоришь, кто он такой? Теперь... что за мотель. Что это? Или это со мной что-то произошло?

— Со мной, киска, ничего, — тихо сказал Чак. — Мы никогда не видели никакого Тохолу. И никогда не останавливались в мотеле...

Маг подняла длинную прядь волос и стала накручивать ее на палец.

— Это я должна сказать в полиции?

— А мозги у тебя есть! Да, да... Ни Тохолы, ни мотеля...

Маг вдруг вспомнила о своих ужасных нудных родителях, свой кошмарный дом, но это было ее спасением.

— Нет, Чак! — она ударила своим кулачком по подушке. — Нет! Я ухожу! Ты сам оставайся с этим чокнутым индейцем! Я хочу знать все до конца. Я ничего никому не скажу... Я... я ухожу...

— Да неужто?

Чак достал свой нож. Сверкающее лезвие возникло у нее перед глазами.

— Ты в деле, киска. Я тебя предупреждал, и ты согласилась. Только пикни и я тебя прирежу. Хочешь всю жизнь ходить со шрамами на лице?

Маг в ужасе смотрела на нож. Чак улыбнулся и убрал нож в карман.

— Пойдем, киска, погуляем по городу.

Маг сидела неподвижно, прижав руки к животу. Ее стало рвать.

— Это через дорогу, — спокойно сказал Чак.

Он смотрел, как она пробирается через коридор, потом хлопнула дверь уборной. Закрыв дверь комнаты на ключ, Чак ждал ее на ступеньках. Идя рядом, они спустились вниз, прошли мимо толстого улыбающегося индейца и вышли на шумную улицу...

Тохола сидел в такси. Рыжий, веснушчатый шофер хотел поговорить... все равно с кем. Увидев на обочине Тохолу, он остановился и помог ему забросить рюкзак в машину. Когда машина двинулась в Парадиз-Сити, шофера прорвало:

— Зачем вас туда несет? Вы что, радио не слушаете? Нет! Я-то всегда его слушаю, кроме, конечно, дома. Там я слушаю только жену... Вы слышали про Палача? Да... Этот Палач — чепуха! Только что докопались, что он индеец! Не думайте... полиция умная, умеет взять след. Они бы не стали передавать, что этих троих уложил индеец, если бы не были в этом уверены. А вот я, к примеру, люблю индейцев, но они все на одно лицо, их не отличишь. Понимаете, а? А для индейцев — все белые похожи. Этот индеец уложил троих богачей, а по мне-то, черт с ними! По радио передавали, что его видела одна шлюха по имени Менди Люкас. Спит в клубе Пелота... Господи! Она видела, как этот парень вылез из машины! Я остановился у кафе и видел, как она выступала по телевизору. Вот шлюха! Если бы этот парень пришил злодею и ее, то сделал бы доброе дело! Но я бы не отказался — какие груди, какие соски! А теперь ее охраняет полиция. Она заявила, что узнает того парня в любой момент, и теперь полиция собира-

ется проверять всех индейцев в городе и снять их на фото, чтобы она могла ткнуть в него своим пальчиком. Как тебе это нравится? Теперь она для всех индейцев — ловушка, берегись ее, парень!

Тохола сидел, бесстрастно глядя вперед, но глаза его горели. Он пообещал шоферу беречь себя...

Офицер полиции Варгате зевнул, почесался и стал раскуривать сигарету. Было 2.45. Теперь он стоял на стоянке за клубом Пелота уже два часа. Его проинструктировал сам Бейглер.

— Единственный путь в комнат[illegible] девчонки — пожарная лестница. Она наш единственный свидетель. Смотри за ней, смотри в оба!

Варгате чувствовал себя плохо. Он не верил, что девчонке грозит опасность, но это было [illegible]жба, и он патрулировал, зевая, куря и жалея себя.

Тохола появился из-за стоя[illegible]ния. Он крался в длинных тенях, как призрак. В его руке был нож. Тохола видел, как Варгате ходил взад и вперед, и выжидал. Из распахнутых окон клуба [illegible]лывались звуки джаза, кряхтел магнитофон.

Варгате остановился — площад[illegible] была забита машинами. В ближайшие полчаса, пока не закроют клуб, здесь не будет ни души. Он потянулся за си[illegible]ткой. Как только он зажег спичку, Тохола бросил нож.

Панический взвизг саксофона в оркестре заглушил его крик. Тохола пробежал несколько шагов, вытащил свой нож из горла жертвы, вытер его о форменный пиджак полицейского и полез наверх по пожарной лестнице.

Каждая из шести хозяек клуба, у которых были комнаты наверху, имела табличку с именем и фото на дверях. На этом настаивал их агент. Он говорил: "Девушки любят считать себя звездами, подписывая контракт с клубом. Вы ведь хотите сделать их звездами, верно?"

И у Тохолы не было проблем — он сразу же нашел комнату Менди Лукас.

Он проскользнул в дверь. Устоявшийся запах духов и дорогого мыла заставил трепетать его ноздри. Лунный свет падал прямо на спящую девушку. С тех пор как она стала главным свидетелем, Менди не работала в клубе. По ночам она спала, для нее это было новостью — спать по ночам. Она видела себя во сне перед телекамерами и улыбалась.

Когда Тохола рукой в перчатке зажал ей рот и нос, она проснулась. Ее тело стало извиваться в ужасе, но он сжал ее еще сильнее. Потом затолкал ей в рот платок и прилег рядом. Его ласки были торопливы и грубы. Менди потеряла сознание от всего этого ужаса...

Пальцы Тохолы были твердыми — они сжимали ее те-

ло как тисками. Менди так и не пришла в себя, когда Тохолз проткнул ее ножом, острым, как бритва. Его рука не дрогнула — он убил ее сразу...

ГЛАВА ПЯТАЯ

Уолтон Валбек был первым, кто нашел в своей почте письмо, которые вскоре стали получать и все остальные богатые члены клуба "Пятидесяти" за эту неделю.

Валбек был высокий, бледный, женственный. Он унаследовал от отца огромное состояние и, кроме игры в бридж, ничего не умел в жизни. Теперь, в шестьдесят пять лет, он был занудой, и никто его не любил — у него не было друзей — он надоел и сам себе. Панически боялся смерти.

Он волновался в это утро, просматривая почту и кушая ложечкой яйцо всмятку. Смерть миссис Данк потрясла его до глубины души. Не любя в общем-то эту старуху, он признавал, что она отличный партнер в игре. Умереть так ужасно... И этот комментатор по телевидению сказал — полиция, кажется, бессильна.

Это его встревожило. А теперь убийство этой женщины. Кажется, ее звали Менди... И полицейский, который охранял ее, его тоже убили! Охрана! И это полиция называет охраной?!

Он вздрогнул, услышав, как на кухне уронили тарелку. Затем он вдруг увидел письмо, адресованное ему лично, и поморщился — оно выглядело таким дешевым. Поколебавшись, он вскрыл конверт и достал записку.

"Хочешь жить? Следуй этим указаниям! Положи пять банкнот по сотне долларов в конверт и оставь его на дне коробки в телефонной будке "А" в аэропорту в 12.00 сегодня. В противном случае — смерть! Защита полиции? Спроси Менди Люкас. Записку вложи в конверт. Это обеспечит тебе безопасность в будущем.

ПАЛАЧ.

Валбек выронил письмо и бросился к телефону. Он чуть не потерял сознание, ему сделалось плохо

Рухнув в кресло, он позвал:

— Джексон!

Слуга, который служил у него лет десять, не спеша подошел к двери. Он на год-два был моложе хозяина, но держался не так хорошо.

— Вы звали, сэр?

Валбек вдруг понял, что Джексон ему не поможет. Он даже обрадовался этому письму. Что Джексон может ему навредить, он теперь был уверен, так как знал, что Джек-

сон его не жалует.

— Нет, уходи! Не смотри на меня так! Займись делом!

— Да, сэр.

Когда Джексон ушел, Валбек заставил себя встать. Подойдя к бару, он плеснул себе в стакан бренди, выпил и подождал, пока на душе станет легче. У него перед глазами все крутилось это слово — "Пачач". Он вспомнил о Мак-Квине, и о миссис Данк, и о этой любовнице Ридда... и еще эта Санди-Манди!... Этот парень лунатик! Полиция тут бессильна...

Неся свой рюкзак, Тохола вошел в здание аэропорта и смешался с толпой, ожидавшей самолетов.

Он нашел свободное место рядом с длинной шеренгой телефонных будок и сел, поставив рюкзак между ног. Никто не обращал на него внимания — он тоже стал частью окружающей обстановки. Несколько десятков семинолов ожидали самолета, они были одеты [illegible] как и Тохола. Он достал газету и стал читать спортивные новости.

Около 11.30 Тохола увидел, как [illegible] Валбек вошел в зал. Он много раз видел его в клубе "Семь десятей" и сразу узнал. Валбек прошел к будке "А". Там [illegible] какая-то девушка и он стал ждать. Он выглядел [illegible] испуганным и вытирал постоянно ладони шелковым платком.

Наконец девушка вышла из будки, и Валбек вошел туда, закрыв за собой стеклянную дверь.

Его спина выдавала его действия. Через несколько минут он вышел, огляделся по сторонам и торопливо побежал к выходу.

Тохола оглядел переполненный зал. Ему очень хотелось войти в будку и проверить, там ли деньги, но он безжалостно подавил в себе это желание. Он и так уже рисковал, явившись сюда.

Сообщил ли Валбек в полицию? Может, они ему сказали, чтобы он следовал всем указаниям записки? А они будут поджидать, кто придет за деньгами?

Тохола снова огляделся. Он не заметил никого, кто бы был похож на полицейского, но это еще ничего не значило. Если Валбек сообщил в полицию, им не обязательно выследить из норы, они могут следить и оттуда.

Он продолжал читать газету. Время от времени люди заходили в кабину. На дно коробки с мелочью никто не полезет, если только не будет знать, что там лежат деньги.

Наконец Тохола встал, прошел в следующую телефонную кабину и закрылся в ней.

Было 11.45...

Чак сидел на постели и курил, бросая окурки в угол комнаты. Маг была рядом, сидя в кресле и смотря на улицу. Она знала, что Чак чего-то ждет, но уже научилась ни о чем не спрашивать.

Оба они вздрогнули от звонка. Чак схватил трубку.

— Чак?

Он узнал голос Тохолы.

— Да.

— Аэропорт, будка "А", — и Тохола повесил трубку.

Чак бросил окурок в угол и задрожал от радости. Он знал, что Тохола не станет звонить, пока не убедится, что деньги на месте. Итак, все в порядке!

— Ты поедешь куда я скажу, — Чак смотрел на Маг. — Слушай внимательно. Сядешь в автобус и поедешь в аэропорт. Где остановка, знаешь?

Она покорно кивнула.

— Когда приедешь, пройдешь в основное здание. Направо будет ряд телефонных будок под номерами "А", "В", "С... Войдешь в будку "А", вот тебе номер телефона, узнаешь, где находится дикий пляж. Это номер туристского агентства, — и он дал ей клочок бумаги с номером.

Глаза у Маг стали круглыми и испуганными.

— У тебя должна быть причина — зачем ты входишь в будку, — продолжал Чак. — Тебя может остановить коп. Он, может, захочет узнать, зачем ты околачиваешься в аэропорту. Скажи, что у тебя каникулы и что ты любишь вообще бывать в аэропорту... просто для забавы, — он посмотрел ей в глаза. — Никто ни о чем тебя, разумеется, не спросит, но у тебя должен быть готов ответ, поняла?

Она кивнула.

— А теперь слушай дальше. Набирая номер, сунь руку в коробку с мелочью. К ней прикреплена веревка и конверт. Положи конверт в сумочку. Никто не должен видеть, как ты это делаешь. Поняла?

Маг облизала губы.

— Почему бы это не сделать тебе, а? Почему я? — хрипло спросила она.

Чак уставился на нее.

— Мне что, опять вложить тебе ума?

Она съежилась.

— Нет... я все сделаю.

— Хорошо... Возьми конверт и сразу возвращайся. Люди Тохолы будут за тобой следить. Пойми это!

Маг безразлично посмотрела на него:

— Кто такой Тохола?

Он улыбнулся, потом кивнул:

— Ты смышленая... Но пойми, что за тобой следят. А

теперь — пошла!

Маг взяла свою потертую сумочку и вышла из комнаты. Чак слышал, как она спустилась по ступенькам, потом, убедившись, что она ушла, он выбежал следом, кивнув толстому индейцу, бесстрастно сидевшему в конце коридора.

Пробравшись в толпе, он подошел к остановке и, спрятавшись за дерево, видел, как Маг влезла в автобус и тот отъехал.

Как только автобус тронулся с места, Чак перебежал улицу, сел в "бьюик" и завел мотор. Проскочив боковыми улочками, он ухитрился приехать в аэропорт на десять минут раньше, чем она. Войдя в зал, Чак выбрал себе местечко, откуда были хорошо видны телефонные будки, и встал так, чтобы его самого не было видно. Вскоре Маг торопливо вошла в здание. Чак смотрел, как она подошла к нужной будке — никакой паники, никаких признаков страха. Она вошла в будку и закрыла дверь. И вдруг у него в животе все перевернулось. Как из-под земли появились два детектива в гражданской одежде. Их-то Чак увидел сразу!

Они прошли через толпу, словно два ледокола, направляясь прямо к телефонам. И Чак почувствовал, как струйка пота побежала у него между лопаток. Выдаст его Маг или нет? Вот главный вопрос, который вертелся у него в голове. Наверное, ему лучше удрать отсюда, да и из города тоже.

Чак был так напуган, что не мог пошевелиться, он просто стоял и смотрел. Детективы прошли мимо телефонов и подошли к молодому индейцу, который только что вошел в зал. Они что-то сказали ему, и индеец пошел вслед за ними.

Чак вытер пот. Индеец, видимо, протестовал, так как размахивал руками и что-то говорил. Люди смотрели им вслед. Детективы приперли индейца в угол и стали обстреливать вопросами.

В это время Чак увидел, что Маг вышла из будки. Она шла уже к выходу. Она не видела, что происходит, так как шла слишком быстро — это могло показаться подозрительным со стороны.

Но Чаку не стоило беспокоиться. Детективы были слишком заняты допросом индейца и не смотрели по сторонам. Медленно ступая, чувствуя, что у него подламываются ноги, Чак вышел из здания аэропорта. Он увидел, что Маг села в отходящий автобус, и побежал к своему "бьюику".

В автобусе вместе с Маг сидело пятеро. Она заплатила за билет и села на заднее сиденье. Водитель с удивлением посмотрел на нее. Она знала, что выглядит ужасно. Почувствовав, как по ее спине пробежали му-

рашки, она уселась плотнее, стараясь сдержать озноб. Маг надеялась, что пассажиры не обратят на нее внимания, как она себя ведет, так оно и случилось. Теперь она почувствовала себя немного свободнее.

Подождав, пока автобус выедет на оживленную улицу, она открыла свою сумочку, достала небольшой коричневый конверт, который нашла в коробке. Посмотрела на него, поколебалась, потом, решив узнать все до конца, достала шпильку и вскрыла пакет. Там было пятьсот долларов! Увидев письмо, она захлебнулась от страха. Рот ее наполнился слюной, она боялась, что ее опять вырвет, но, кажется, все обошлось. Она снова прочитала записку и теперь тело ее покрылось холодным потом.

Итак, теперь она знает! Все самое худшее, что она подозревала, оказалось правдой! Тохола — Палач!

Скольких он убил? Она не могла вспомнить. Но какая теперь разница? Одного и то хватит!

Трясущимися руками она убрала деньги и конверт в сумочку. А Чак? Ее Чак связан с этим индейцем... и она тоже!

Она смотрела сквозь грязное стекло на пальмы, пляжи и песок, и ее мысли были беспорядочны. Потом она заставила себя думать.

Тохола напугал людей, чтобы они платили ему, а она должна собирать деньги... Ее, может быть, ждала полиция! Они могли арестовать ее, когда она брала эти кровавые деньги из коробки!

Убийство? Нет! Чак не стоил того, чтобы ради него связываться с убийством. Но что ей делать? Маг опять почувствовала дурноту.

Идти в полицию? Она затряслась от этой мысли. Полиция! Она представила себе, как идет в участок и рассказывает, что произошло. Даже если ей поверят, что они сделают? Отошлют ее назад, домой? Еще вероятнее — посадят где-нибудь и будут держать как свидетеля. Но что же ей делать?

Маг вытянула ноги и сжала кулачки. Никто не обращал на нее внимания, а ей хотелось крикнуть этим пятерым людям: помогите же мне! Остается одно, решила она, ехать в Майами одной, а оттуда как можно дальше от города Парадиз-Сити. Она должна забыть Чака и начать свою жизнь сначала.

Придя к этому решению, Маг перестала дрожать. "Хорошо, — подумала она. — Решено". Она попросит шофера остановиться у Грей-стрит и сядет там на автобус в Майами. А оттуда... Ее пальцы застыли. Ведь ее вещи остались в этой ужасной комнате, у индейца! Как же она поедет в Майами? У нее с собой только два доллара. Два доллара?

Нет, пять сотен! Но, может быть, она станет соучастницей, если присвоит эти деньги? Ну и пусть! Зато она уедет, уедет из этого кошмара. Она будет первой дурой, если не воспользуется представившейся ей возможностью!

Маг перевела дыхание. С этими деньгами она может поехать в Нью-Йорк, Там она будет в безопасности и станет работать манекенщицей. Маг снова открыла сумочку и потрогала конверт. Решено, все решено!

К ней вернулась уверенность, она перестала дрожать. И больше не будет Чака... и Тохолы... и полиции!

Закрыв сумочку, Маг подошла к кабине водителя.

— Остановите, пожалуйста, у Грей-стрит, — сказала она, сама удивившись твердости своего голоса. — Это не далеко, не так ли?

Водитель был отцом пятерых детей. Они все были хорошими, послушными, чистыми. Старшей столько же лет, сколько и этой.

"Господи! — подумал он. — Да я безучий! Благодарение богу, мои дочери пока что еще девственницы! А эта?"

Он чувствовал, как от нее пахло потом, а одежда была слишком грязной. Вот повезло, что он не ее отец!

— Да, — ответил он, не глядя на нее, — я остановлюсь.

— Спасибо, — Маг вернулась на свое место.

Через пару минут автобус затормозил у остановки. Сжав сумочку, Маг шагнула к билетным кассам.

— Эй, — вдруг услышала она знакомый голос.

Звук его голоса пронзил ее насквозь. Вся похолодев, она обернулась. Из "бьюика", улыбаясь, высовывался Чак.

— Подвезти тебя, крошка?...

Считалось, что Эллиот Хансен лучший в мире игрок в бридж. Тот факт, что он был гомосексуалист и не занимался игрой все время, выдвинул его на пост секретаря клуба "Пятидесяти".

Этим жарким солнечным днем он сидел за своим столом, разглядывая детектива Лепски, как вы бы разглядывали большого черного усатого таракана, который неожиданно упал в вашу ванну.

Эллиот Хансен был высок, привлекателен, этакий тип дамского угодника. Его тяжелые белые волосы волнами спускались на воротник. Зубы, которые он чистил не менее трех раз в день, вспыхивали, когда он улыбался. И он всегда был таким, имея дело только с богатыми людьми. Жил он в роскоши, и если и пил, то только "Шато-29" или что-то в этом роде.

Он жил в клубе, и, если ему нравился какой-нибудь мальчик, он просто вел его в туалет — все уже к этому привыкли.

Террел решил, что единственный человек, который сумеет обработать его, это Лепски. Правда, он звезд с неба не хватает, не сноб, но парень ловкий и себе на уме.

— Да? — спросил Хансен своим мягким голосом.

Он достал надушенный шелковый платок из бокового кармана и помахал им перед носом.

Перед этим своим полицейским голосом Лепски объяснил ему кто он и по какому делу прибыл сюда.

Эллиот Хансен был англичанин. Много лет назад он был мажордомом герцога до тех пор, пока у герцога не случились неприятности из-за одного мальчика бойскаута. Затем, когда английская полиция начала копаться в делах самого Хансена, он уехал и с удовольствием принял должность секретаря самого блестящего бридж-клуба Флориды.

Хансен слушал то, что говорил ему Лепски, и не верил ни одному его слову.

— Нет! Это невозможно... Один из наших слуг? Нет и нет!

Лепски ненавидел гомосексуалистов так же сильно, как Хансен ненавидел детективов. Он нетерпеливо передернулся, выслушав ответ Хансена.

— Мы ищем индейца. Ему должно быть лет двадцать пять — двадцать шесть, может, на год моложе. Тяжелые черные волосы, одет в желтую с белым рубашку и синие джинсы. У вас не работает парень, подходящий под это описание?

— Такой молодой? — Хансен поморщился. — Нет, все наши слуги индейцы пожилые. Они работают тут годами. Да, годами... А что касается цветной рубашки, — он закинул голову и рассмеялся, — то почти все индейцы одеваются так.

Смешок его был гадок и неприятен для Лепски, он невольно в этот момент сравнивал его со старой бабой.

— Да он ваша птичка. Двое из членов вашего клуба были убиты. Третий разбился. Умерла, вернее, убита его любовница. Мы думаем, что есть связь между этими убийствами и вашим клубом. Мы хорошо теперь знаем, что он индеец-семинол, понимаете? Может, один из ваших слуг подстреливает ваших клиентов?

Хансен улыбнулся. Его улыбка была шедевром дантиста.

— Уверяю вас, мой друг, это совсем не так. Наши слуги служат у нас годами. Они всех нас любят. У вас не должно быть никаких сомнений, они вполне лояльные люди.

— Может, один из них не поладил с клубным начальст-

вом? — настаивал Лепски. — Может, он вообразил, что с ним здесь плохо обошлись?

Хансен был по-настоящему потрясен.

— Плохо обошлись? С ними здесь носятся, как с детьми. У нас одна большая семья.

Лепски стал дышать носом.

— У вас были причины уволить хотя бы одного из ваших служащих? Одного, который, может, не подходил под ваши стандарты?

Хансен поиграл шариковой ручкой в золотой оправе. Она выскользнула у него из пальцев и покатилась по полу. Он поморщился, словно у него заныли зубы. Это не ускользнуло от Лепски. Наступила пауза, затем Хансен поднял свою ручку и снова стал с ней играть.

— Может, давно... возможно, — сказал он медленно и неохотно.

Его мысли вернулись к молодому индейцу. Сколько времени прошло с тех пор? Четыре месяца? До сих пор он старался забыть об этом инциденте, но теперь память снова воскресила его с пугающей яркостью. Как звали того парня? Тохола, кажется? Да, его отец проработал в клубе двадцать лет. Он помнил, как старик пришел к нему и попросил место для сына в клубе. Увидев мальчика, он согласился — прелестный, отлично сложенный мальчик! Да, но какая ярость! Этот момент, когда он улыбнулся ему... Они тогда были в душевой, и, когда он увидел стройные ноги и соблазнительную попку, он дотронулся до него... Хансен поежился: какая ярость! Это было страшно. Конечно, мальчишку убрали. Он выглядел таким неласковым. Хансен знал, что он его выдаст, и отделался от мальчишки, осторожно объяснив отцу, что мальчику не место в клубе, пока... слишком молод... Старик так на него посмотрел, что Хансену стало страшно.

Хансен опять поежился. Он все еще видел эти черные глаза и понимание в них, упрек и злость!

Но не мог же он сказать этому ужасному детективу о Тохоле! Он попытался пробормотать что-то.

— Нет и нет! Это невозможно!

— Может быть, вы вспомните какого-нибудь индейца, которого вам пришлось уволить? — повторил вопрос Лепски.

Тяжелый голос полицейского действовал Хансену на нервы.

— Этого не случалось у нас годами. Но, конечно, когда они стареют, мы выплачиваем им пенсию.

Лепски почувствовал, что добрался до чего-то важного, что Хансен хочет скрыть.

— У вас есть журнал на весь персонал?

Хансен моргнул. Он достал надушенный платок и приложил его ко лбу.

— Конечно.

— Можно взглянуть?

— Уверяю вас, что вы напрасно тратите свое время.

Лепски откинулся в кресле. Его лицо заставило Хансена вспомнить сказку про зубастую щуку.

— Мне платят за потерю времени или вы, может быть, не хотите, чтобы я взглянул на ваши книги?

Хансену стало плохо. Он терял под ногами почву.

— Я попросил бы вас не быть таким торопливым, — сказал он слабым голосом. — Если вы хотите посмотреть журнал — пожалуйста.

Глаза Лепски сверкнули:

— Давайте журнал.

— Прошу.

Хансен открыл ящик стола и передал Лепски журнал в кожаном переплете.

Лепски просматривал список имен, которые для него ничего не говорили, но теперь он был уверен, что Хансен пытался от него что-то скрыть.

— Мне нужна копия списка. Мы будем говорить со всеми этими людьми, — коротко сказал Лепски и захлопнул книгу.

— Да, пожалуйста.

Хансен сидел, глядя на Лепски.

— Я жду!

— Пожалуйста.

Хансен взял книгу и прошел в смежную комнату. Спустя пять минут он вернулся и отдал Лепски лист бумаги.

— Вот... но это вам не поможет, — пролепетал он.

Лепски просмотрел список и взглянул на Хансена.

— Одного не хватает. По журналу у вас числилось пятнадцать индейцев, а в списке только четырнадцать.

У Хансена вытянулось лицо.

— Прошу меня извинить. Не беспокойтесь, это моя секретарша что-то напутала. Она весьма экзальтированная натура, и все мои бумаги весьма запущены.

— Разве? — Лепски потянулся за журналом, который Хансен держал в руке.

Весь белый, тот отдал детективу книгу.

Лепски проверил список.

— Кто такой Тохола?

Хансен облизал губы:

— Разве его там нет? Господи! Он самый старый и больше всего достоин доверия! Тохола! Ведь он у нас уже двадцать лет!

Лепски поднялся.

— Хорошо, извините, что побеспокоил. Но мне прямо сейчас хотелось бы увидеть этого Тохолу.

Хансен рухнул в кресло. Он сидел, рассматривая свою ручку, и выглядел гораздо старше своих лет.

— Конечно... он сейчас в баре, пожалуйста.

— Где это?

Хансен все еще смотрел на ручку.

— В конце коридора, налево. Но вы только зря потеряете время.

— Да. Но вы это мне уже говорили.

Хансен выронил ручку, его охватила слабость. Он вспомнил, как двадцать лет назад ему позвонил приятель и предупредил, что его разыскивает полиция и что ему лучше убраться из Англии. Он надеялся, что такого ему больше не придется пережить никогда. Но вот теперь ему снова пришлось пережить это чувство, когда следующим утром он получил письмо от "Палача" с требованием пятисот долларов...

Чак повернул "бьюик" на грязную дорогу, ведущую к пляжам, разбросанным там и сям по побережью. Пляж, куда он выехал, был слишком популярным из-за красивых дюн, тут везде стояли машины и купались люди.

Чак поставил машину подальше от остальных. Обернувшись, он увидел, что Маг сидит, забившись в угол. Они не сказали друг другу ни слова, пока не приехали сюда.

— Ты взяла?

Трясущимися руками она протянула ему конверт.

— Что в конверте, знаешь? — Он достал деньги. — Хорошо, — выдохнул он. — Веселенькое дельце!

Маг съежилась. Письмо "Палача" вылетело из конверта и как большая белая бабочка упало на песок. Маг не могла говорить от страха и просто бессмысленно смотрела на Чака.

— Куда ты отправилась? В Майами, да?

Она кивнула и тут же захлебнулась от плача.

— Я не хочу быть замешанной в таком грязном деле! Я ничего никому не скажу! Отпусти меня!

— Да, конечно, — Чак спрятал деньги. — Много гадостей уползает... многим везет, а тебе не повезет, киска!

Маг умоляюще всплеснула руками.

— Обещаю, я никогда не выдам! Только отпусти! Этот индеец — помешанный. Ты хочешь связаться с дураком! — Она раскачивалась взад и вперед, повторяя: — Чак, подумай! Давай уедем... Он убивает людей! Послушай меня, Чак!

Большой бело-красный мяч свалился на них с неба, ударился о стекло и упал рядом с машиной. Мальчик лет пяти, в штанишках ярко-желтого цвета, черный от загара, побежал за мячом и улыбнулся Чаку:

— Простите! — Он был такой смешной, но приятный и вежливый. — Хотите стукнуть?

— Конечно. — ответил Чак.

Он вылез из машины. Взяв мяч у мальчика, он бросил его на песок, потом поддал ногой, высоко подбросив в воздух. С восторженным воплем мальчишка бросился за мячом, который, блестя на солнце, полетел в сторону моря.

Чак снова залез в машину.

— Приятный мальчишка! И вообще хорошо, когда такие маленькие дети вежливы. Знаешь, когда я был таким, как он... у меня никогда не было мячика. У меня вообще не было ни одной игрушки...

— Я хочу уйти! — сказала Маг дрожащим голосом. — Слышишь? Я ухожу!

— А жить хочешь, киска?

Она словно почувствовала вдруг свое тело и отшатнулась от него.

— Мне что, тоже послать тебе письмо? Хорошо, он чокнутый. Не повезло тебе и мне, может, тоже. Когда ты имеешь дело с чокнутым индейцем — это не так просто, чтобы уйти, если тебе захочется. Хочешь уйти — попробуй. Весь вопрос только в том — как далеко ты сможешь уйти. Ну, хорошо, доедешь до Майами. Не знаю, как ты сделаешь это без денег, но допустим и такое. А там тебя пристрелят или прирежут. — Он поднял письмо. — Ты это прочитала, верно? Вот и подумай — хочешь жить или нет.

Маг отбросила длинную гриву волос на спину.

— Не испугаешь! Я ухожу!

Чак стал ковырять в носу.

— Знаешь что? Ты мне надоела. Иди отсюда, киска... Но одну вещь я никогда не сделаю...

Маг уставилась на него.

— Ни одного цветочка не пришлю на твои похороны.

— Эй, мистер!

Это вернулся парнишка, и Чак улыбнулся ему.

— Хотите еще стукнуть?

Чак взглянул на Маг.

— Давай... стукнем вместе.

Он вылез из машины и высоко подкинул мяч. Потом побежал с ребенком к морю, поддавая мяч ногой. Затем стукнул так, чтобы мяч мог долететь до ребенка, а затем снова стал подбрасывать его в воздух.

Маг наблюдала за ним. Одиночество, безнадежность в будущем и страх приковали ее к месту. Она все еще

сидела на месте, когда Чак, наигравшись с парнишкой, вернулся к машине...

На городском рынке можно было купить любую снедь — бананы, апельсины, спаржу, ранние огурцы, ананасы. Каждый стол имел собственного поставщика. Большинство из них были индейцы. Тохола стоял перед грудой апельсинов, принадлежащих индейцу по имени Юпитер Льюис. Он выглядел, как круглый мяч, ненавидел богатых, ненавидел полицию, но был достаточно умен, чтобы вовремя почувствовать опасность.

Он был известен всем как "надежный" и никогда не занимался ничьими делами, кроме собственных. Когда к нему пришел Увалень, так называли Тохолу, и сказал, что будет работать бесплатно, он кое-что понял. Юпитер знал отца Тохолы и знал, что Увалень восстал, что он бунтовщик. Он знал, что его никогда бы не попросили о бесплатной работе, если бы Увальню не нужно было убежище. Юпитер согласился сразу, без колебаний.

Итак, когда два потных детектива появились перед столом, Льюис уже знал, чем объяснить присутствие Тохолы.

Детективы знали, что их задание безнадежно, так как все индейцы покрывали друг друга.

— Это мой кузен, — Льюис, улыбнувшись, показал свои золотые коронки, — он очень хороший мальчик, как и я сам. У нас одна фамилия — Льюис. Он — Джо, а я — Юпитер.

Детективы записали фамилию, а Льюис и Тохола обменялись улыбками.

Но детективы Якоби, которым досталось проверить все мотели города, оказались более всезучими. Миссис Берта Харрис не любила всех полицейских. Лет тридцать назад ее поймали при попытке вынести из универсама пачку макарон и три куска мыла, и она до сих пор не могла забыть, как с ней обошлись в полиции. Поэтому, когда Якоби появился у нее в мотеле, она решила быть холодной, как мрамор. Как всегда, она что-то жевала.

— Мы ищем индейца, — сказал Якоби, ни на что не надеясь. — Ему около двадцати пяти лет, черные волосы, высокий, одет в цветную рубашку и синие джинсы.

За весь день он говорил эти слова уже раз тридцать и ничего не добился. Но он не сдавался и повторял себе, что это и есть полицейская работа.

— У вас не было такого?

— А в чем дело? — Берта теперь дышала луком прямо в лицо Якоби.

Тот помолчал, в упор глядя на нее.

— Были у меня люди, — наконец сказала она. — Усхали уже. Если бы я помнила всех, кто тут бывает, то могла

бы сколотить капиталец, выступая по телевидению, а?

— У вас тут что, много индейцев? — Якоби понял, что старая карга — крепкий орешек.

— Нет... не могу сказать такого... — Она откусила еще кусок и задвигала челюстями.

— Это важно, — голос у Якоби стал твердым. — Мы расследуем убийство. Я спрашиваю, не останавливался ли у вас молодой индеец?

Берта засунула в рот палец и вытащила оттуда застрявший кусок мяса.

— Я ничего не знаю об убийстве. Это дело полиции.

— Я спрашиваю — не останавливался ли у вас недавно молодой индеец?

— Убийство!

Берта вдруг потеряла свою выдержку. Хотя ей и не хотелось влезать в дела подобного рода, она вдруг поняла, что это серьезно.

— Конечно... был у меня индеец...

Через пять минут у Якоби было описание, которое так походило на то, что они искали, что он с трудом сдерживал свое нетерпение

— Он отметился в книге?

— Каждый обязан делать это.

Она достала замусоленную тетрадь.

Якоби почти вырвал ее из рук Берты и пробежал глазами записи за последние дни.

— Харри Люкон... Это его фамилия?

— Да.

— А двое других — мистер и миссис Джек Ален?

— Очень милые люди. Они приехали вместе на машине.

— Их комнаты четыре и пять, так?

— Да.

— Я позвоню по вашему телефону.

— Будьте как дома, — покорно сказала Берта.

Якоби связался с Бейглером, тот сказал, что пришлет в мотель бригаду.

— Покопайся там, Макс, это, похоже, то, что нам надо.

Якоби повесил трубку.

— Господи! — Берта не могла оправиться от испуга. — Теперь полицейских тут будет больше, чем москитов вокруг дома.

Якоби улыбнулся ей:

— Вы очень умная женщина, миссис Харрис...

В это время дня роскошный бар клуба был пуст. Лепски нашел Боко Тохола в одиночестве. Он молча составлял

блюда оливок, соленых сухариков и других легких закусок, чтобы быть готовым к часу коктейлей, который уже вскоре наступал.

Боко Тохола был маленький человек с серыми волосами и пронзительными щелочками-глазами. Когда он увидел Лепски, входившего в холл, то оставил блюдо с солеными огурчиками, и его лицо сразу стало серьезным. Совесть его была чиста, и он смотрел на Лепски, ничем не показывая, что встревожен.

— Ты Тохола?

— Да, сэр. Это моя фамилия.

— Помогите мне. Мистер Хансен говорит, что он не может вспомнить молодого индейца лет двадцати пяти с черными волосами, который здесь работал раньше.

Тохола поднял голову.

— Вы говорите о моем сыне, сэр?

Лепски не думал, что это будет так просто.

— Ваш сын? Он здесь работает?

Старик покачал головой:

— У него была здесь хорошая карьера. Он чудесный бармен, лучше, чем я сам. У него талант .. Но мистер Хансен полагал, что он слишком молод, и уволил его.

— Где же ваш сын теперь?

— Этого я не знаю, сэр. Он уехал из города. Я ничего не слышал о нем уже месяцев пять. Надеюсь, у него есть хорошая работа, где-нибудь в баре. У него к этому делу талант.

— Как долго он успел тут поработать?

— Как долго? Около девяти недель.

— А кроме мистера Хансена полагал еще кто-нибудь, что он слишком молод?

— Нет, сэр. На моего сына никто не жаловался!

— Может быть, случилась какая-нибудь неприятность между вашим сыном и мистером Хансеном?

— Это не мое дело, сэр.

— Расскажите мне о вашем сыне. Вы ладили между собой? Почему он вам не пишет?

Тохола посмотрел на свои морщинистые руки.

— Мой сын попал в беду, сэр? — спросил он.

— Вы читали о Палаче?

Старик уставился на Лепски.

— Да, сэр.

— Мы знаем, что этот убийца — индеец, — мягко сказал Лепски. — Он убил двоих членов этого клуба и женщину, о чьей связи знали в клубе. Этот парень — слабоумный. Мне необходимо найти его прежде, чем он прикончит еще кого-нибудь. Мы знаем, что он молод. Мы ищем... Вот я и

спрашиваю, что за человек ваш сын?

Лицо старика посерело.

— Вы думаете, что мой сын мог пойти на такое?

— Я этого не говорил, но мы должны все проверить. Мы стараемся найти душевнобольного индейца, у которого есть сведения о привычках членов этого клуба. А что за неприятность была между Хансеном и вашим сыном?

— Я ничего не знаю об этом, сэр. Мистер Хансен сказал, что мой сын слишком молод для такой работы, вот и все.

— У вас есть фото сына?

Старик стал протирать стаканы полотенцем, а потом сказал:

— Нет, сэр. Мы, индейцы, редко снимаемся.

— Как относились члены клуба к вашему сыну?

— Все было хорошо, сэр.

— Никаких неприятностей с полицией?

— Храни господь! Нет, сэр!

Лепски помедлил.

— А в какой-нибудь неприятной истории...

— У моего сына плохой характер,— хрипло сказал старик. — С ним было трудно дома. Я говорил с нашим доктором, пришлось... он осмотрел его, но молодежь теперь трудная.

— Кто ваш доктор?

— Наш врач? Мистер Ванники...

Лепски достал тетрадь и посмотрел старику прямо в лицо.

— Ваш сын болен?

Неожиданно старик рухнул на стул и закрыл лицо руками.

— Да! Помоги ему бог! Ему, его матери и мне... Да, он болен, может, теперь ему очень плохо... Мой бедный сын...

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Пока патруль искал и вынюхивал в комнатах мотеля, Лепски вернулся в участок.

С сиреной на полную мощность он пронесся по улицам города, представляя себя Джименом Кларком. Больше всего на свете нравилось ему, когда "кадиллаки" и "рольсы" отшатывались от него, уступая дорогу, — это была его расплата за то, что он целыми днями в изнуряющей жаре томился в душной комнатенке и корпел за нудной работой. Он еле сдерживал себя, чтобы не высунуться из окна кабины и не крикнуть: "Прочь с дороги, лентяи!"

Лепски остановил машину около участка и вдруг по-

нял, как он устал. Он уже два дня не был дома, а о своей жене не вспоминал столько же.

Войдя в дежурную комнату, Лепски увидел Чарли и Террела, склонившихся над бумагами.

— Слушай, ты не забыл вызвать мою жену? Позвонил?

— Разве я мог? — голос у него был слабый и безнадежный. — Мне не пришлось ей звонить, она звонила мне. Ты с ней поговори, прошу, Том. Она забыла все наши телефоны.

— А как она, не устала?

— Не знаю, что ты имеешь в виду, но голос у нее был как у тигрицы!

Лепски закрыл глаза.

— Слушай, будь другом, позвони и скажи, что я работаю без остановки, а?

— Только не я! — твердо сказал Чарли. — И не проси! Я не хочу, чтобы у меня в ушах звенело от ее воплей.

— А кого волнуют твои уши! Позвони ей. Я-то звонил твоей, разве не так?

Чарли сник. Он вспомнил ту глупейшую историю с белорозовой блондинкой, когда Лепски прямой ложью спас его семейную жизнь.

— Это же обман, Том!

— Ну, валяй, валяй! — завопил Лепски. — Вызови Кэрол и "пролей елей на будущие волны", — и он пошел в комнату детективов.

Через несколько минут он докладывал Террелу.

— Ну что ж, Том, поговори с этим врачом. Если этот мальчишка болен, как утверждает его отец, значит, он наша птичка. Тогда пошли кого-нибудь домой к Тохоле, там мы можем найти фото этого парня и, возможно, отпечатки пальцев. — Он поднялся. — Я поеду в клуб и поговорю с клубменами.

Выходя от Террела, он увидел Чарли, который держал одной рукой телефонную трубку, а другой испуганно махал в его сторону.

Лепски притормозил на бегу.

— Это твоя жена!

Взглянув на лицо Чарли, Лепски словно выпил глоток касторки. Поколебавшись, он вырвал у Чарли трубку.

— Это я, милая. У меня тут работа, я закрутился. Позвоню тебе позже, душка, хорошо? Я бегу!

— Лепски! — тон его жены был словно пуля в голову.

Он передернулся, но сдержался.

— Да, да... как ты там, киска? Я тут кручусь, как черт... Я говорю — занят, киска!...

— Лепски! Ты можешь прекратить выражаться и послушать меня?

Лепски наклонился к столу и расслабил узел галстука.

— Давай... ладно... Я только четыре часа спал за последние двое суток... я... черт знает, как занят!

— Если бы я хоть на секунду могла себе представить, что ты не был занят, я бы тут же развелась с тобой! Прекрати кричать! Я хочу заказать тебе одну вещь.

Лепски хотел сделать дыру в столе Чарли, и ему это уже почти удалось, пока он слушал голос своей жены.

— Я слушаю... говори...

— Я только что видела Менитабель.

— Ты отдала ей вторую бутылку вина? — вскакивая, закричал взбешенный Лепски.

— Перестань думать про свое виски. Менитабель знала, что этот индеец — Палач! Я говорила тебе, а ты не стал слушать, она же предупреждала!

— Так ты отдала ей бутылку?!

— Лепски! Не выражайся!

Выражение лица Лепски так поразило Чарли, что он инстинктивно потянулся к аптечке.

— А что, киска, теперь предсказала эта старая крыса?

— Не называй ее так!

Лепски стал сопеть, как машина с испорченным двигателем, которая начинает разбег.

— И что?

Даже Кэрол, которая привыкла к звукам, издаваемым мужем, на этот раз была потрясена.

— Что с тобой, Лепски?

Лепски вытер пот со лба:

— Я не знаю...

— Иногда я за тебя беспокоюсь. Ты не способен собраться для прыжка, а для того, чтобы стать сержантом, надо собраться.

— Да, ты права... я собираюсь...

— Хвала Господу! Менитабель сказала... ты слушаешь?

Лепски вскочил на ноги и стал подпрыгивать вниз и вверх. Чарли, который не спускал с него глаз, невольно улыбался.

— Я слушаю. — Лепски стал махать в воздухе ногой.

— Она говорила, что вы должны искать Палача среди апельсинов...

— Среди кого?!

— Она видела в кристалле апельсины.

— Вот как! Значит, среди апельсинов?! — Лепски вздохнул как лошадь, когда с нее снимают седло. — Это уже кое-что! — весело присвистнул он. — А она не ошиблась? Весь наш чертов район провонял апельсинами. Тут уж она не может ошибиться: куда ни пойди, везде апельсины! И за это ты ей отдала мое виски?

— Я говорю, что она сказала. Она ведь была права первый раз, а ты ей не поверил. Теперь она дает тебе вторую зацепку. Используй ее, Лепски!

— Хорошо. Я теперь же́ займусь этим.

— Пойми, дорогой, я хочу, чтобы тебя повысили...

— Да... да, спасибо. — Он помолчал. — Ты не ответила на мой вопрос. Это старое печеное яблоко выпило мое виски?

Последовала долгая пауза, и холодный голос Кэрол сказал:

— Бывают минуты, Лепски, когда ты ведешь себя, как слабоумный.

И она повесила трубку.

Лепски взглянул на Чарли, а потом спросил его:

— Тебе жена говорила когда-нибудь, что ты слабоумный?

Чарли покачал головой.

— Нет, она сама такая.

— Да, тебе повезло...

Лепски побежал по ступенькам вниз и прыгнул в машину.

Рынок заканчивал свою работу. Ряды уже почти опустели. Льюис ушел в бар за пивом, оставив Тохолу присматривать за ларьком. День сегодня был удачным, у них остались непроданными всего несколько ящиков апельсинов.

Чак увидел Тохолу и вышел ему навстречу из тени.

— Я получил их, пять сотен!

— С ней?

— Да, все о'кэй!

Тохола стал взвешивать апельсины.

— Завтра она будет работать вовсю! У нас пять выездов!

Чак задержал дыхание.

— Пять... пять?

— Две с половиной тысячи!

Чак кивнул, но промолчал, отдавая конверт Тохоле.

— Я правильно сказал: триста пятьдесят тебе и сто пятьдесят ей?

— Да.

Чак взял апельсины, которые ему взвесил Тохола, и ушел.

Через некоторое время вернулся Льюис. Он был доволен: завтра они вместе снова будут стоять за прилавком...

Когда Террел подъехал к клубу, то, на счастье, сразу увидел Родни Бланкенштейна, вылезавшего из машины.

Бланкенштейн был одним из основателей клуба. Он

был не только превосходным игроком в бридж, но и прекрасным артистом. Они пожали друг другу руки.

— Что ты здесь делаешь, Френк? Только не говори, что хочешь вступить в наш мавзолей!

— Ищу показания.

— Тогда я для тебя находка. Пойдем и выпьем.

— Давай лучше оставим машины и пойдем пройдемся. Мой визит вызовет панику в твоем курятнике.

— Поехали лучше в моей машине. — Бланкенштейн открыл дверцу.

— Хорошая у тебя машина: телефон, кондиционер, телевизор — штучка! — и Террел уселся рядом.

— Для меня это реклама! Что у тебя на уме?

Террел рассказал.

— Сын Тохолы? Да, помню. Хороший парнишка, симпатичное лицо, прекрасно делал мартини. Дело, видимо, в том, что старая "матушка" Хансен не сдержал своих ручонок и парнишке пришлось уйти.

— Я это понял сразу. А как к нему относились другие, кроме Хансена?

Бланкенштейн пожал плечами.

— Девяносто процентов из них не верят, что цветные не обезьяны. Но большинство из них в клубе смотрят на цветных как на красных мартышек.

— У него были неприятности с миссис Данк?

У Бланкенштейна сузились глаза.

— Да... пожалуй, конечно. Она была жуткой ведьмой. Все, что она знала, так это ее собака и бридж. Месяца три назад я играл за соседним столом... может, больше, не помню. Тохола-младший делал напитки, а она велела ему вывести собаку на прогулку. Тохола сказал, что может покинуть бар только с разрешения главного бармена. Я все слышал. Может, он не был таким послушным, как она думала. Тем не менее она назвала его "нигером".

— А потом?

— Остальные три игрока велели ему вывести собаку и быть покорным. И он вывел собаку.

— А кто еще играл?

— Ридд, Мак-Квин и Джеймс Лассей.

Террел фыркнул.

— Вот это партия, а? Все покойники, кроме Лассей. Надо с ним поговорить.

Бланкенштейн кивнул.

— Он у нас непременный член, у него своя комната в клубе. Хотите, я вас представлю?

Но портье сказал им, что мистер Лассей вышел из клуба полчаса назад.

Они и не предполагали, что Лассей с потным лбом

кладет в коробку телефонной будки на железной дороге причитающиеся с него двести долларов...

Маг ни о чем не думала, когда пошла в здание второсортного отеля в пригороде. Вчера вечером Чак сказал ей, что нужно собрать конверты в пяти местах.

— Это наши деньги, киска. Это наше открытие, а?

Маг смотрела на потертый коврик и молчала.

— У тебя что, уши заложило, а?

Ярость в его голосе заставила ее поднять голову.

— Какое открытие? — безразлично выдохнула она.

— Ты как... как Колумб в земле этой... обстованной или нет... мы пришли к этой земле... у нас есть талончик, а? Счастливый билетик!

Она смотрела на пепельные облака, тронутые розовым светом, сквозь Чака.

— И это то, что ты есть? — спросила она.

— Да, это я. — Чак улыбнулся. — Каждая киска на белом свете мечтает вытащить этот билет... а ты, оп! — и достала. Меня достала!

Маг еще раз посмотрела на облака, которые все розовели и розовели в заходящем солнце.

— Разве это ты? Я рискую всем, отдаю деньги тебе, а ты — счастливый билетик!

Чак закурил.

— Завтра ты достанешь из каждой будки по пятьсот долларов. Из пяти! По пятьсот! А что потом, киска?

— Мне все равно. Оставь меня в покое!

Чак махнул рукой. Маг очутилась поперек кровати, ее лицо горело от удара.

Она подняла руку и потрогала красные следы от пальцев на своем лице.

От второго удара Маг потеряла сознание. Она очнулась, дрожа и зажмуриваясь, ожидая продолжения.

— Ну и дура! Знаешь что? У тебя нет самолюбия. Завтра ты собираешь две с половиной тысячи долларов, и мы смотаем отсюда. С такими деньгами мы будем надолго обеспечены.

У нее вдруг появился проблеск надежды.

— А индеец?

— У тебя все-таки есть мозги. Это первая здравая мысль с тех пор, как я тебя подобрал.

— Подобрал? Ты меня подобрал?!

Маг осмотрелась. Эта грязная комната, в сущности — конура...

"Он меня подобрал, — со злостью думала Маг, — меня, как кошку или паршивую собаку... Да... я и есть такая, паршивая собака..."

— Слушаешь ты меня или нет?

...Хорошо бы лежать и чувствовать на горячем лице ветерок от окна..." — проносились отвлеченные мысли в голове у Маг.

Слушать Чака требовало внимания и сил. Их-то у нее уже и не было.

— У этого индейца нет ничего в голове, он чокнутый. Он чуть не убил меня тогда, когда мы пошли купаться. Помнишь?

Вот и она ему тогда говорила, что индеец чокнутый. Это для нее не новость.

— Но как только у нас будут деньги, мы сможем смыться. Слышишь, киска?

Маг вспомнила вдруг про дом и ясно вдруг представила своих родителей, сидящих в маленькой гостиной перед телевизором. Она видела, как бесформенное тело матери лежит в кресле. Отец время от времени щелкает языком по вставным челюстям. Мать ее всегда снимала тапочки, смотря телевизор: ноги у нее были крупные и покрыты мозолями.

Чак вернул ее назад, в эту грязную комнату с черными дырами и запахами туалета.

— Я слушаю тебя, — прошептала она.

— Мы соберем деньги и уедем. Он ничего не сможет сделать! Две с половиной тысячи долларов!

"Ну и что? — подумала Маг. — Какая мне разница? К черту все!"

Кое-кто из туристов смотрел на Маг, когда она шла к телефонным будкам. Номер три был свободен. Там лежал конверт, который она и положила в сумку.

Маг больше не притворялась, что звонит. Предосторожность? А ей наплевать!

Подняв голову, она шла по бульвару. Солнце жгло ей лицо. Сев в "бьюик", она положила конверт на колени Чаку.

Маг увидела, что он смотрит на отель и его маленькие глазки сузились, как у летучей мыши. Он о чем-то думает, испуган, а ей наплевать! Такое ощущение поставило Маг на ступеньку выше, и она даже почувствовала радость. Маг смотрела, как он открыл конверт пересчитал деньги и вздохнул.

И тут Маг поняла, что он не любит ее и что она тоже его никогда не любила, что он ей противен со своими крупными шрамами на лице, забитыми черной пылью.

— Теперь на восьмую железнодорожную станцию. Я тебя подожду, там нет стоянки.

Маг сидела, сложив руки на коленях, и смотрела в окно.

— О'кэй, беби!

Она мыслями была довольно далеко отсюда, когда Чак грубо встряхнул ее за плечи.

Маг вошла в вокзал, взяла конверт, вышла из здания и остановилась, ожидая Чака. Тот подъехал, и Маг села в машину. Она бросила и этот конверт ему на колени.

— Все чисто? — спросил он.

Она взглянула на его потный нос и испуганные глаза.

— Да.

Чак слегка присвистнул.

— Точно клубнику собираешь, а? Теперь в Альтон-отель, номер четыре.

Десять минут спустя Маг вышла из отеля, и машина тронулась. Она сидела спокойно, а Чак с бегающими глазами повел машину вперед.

— Все нормально?

— Да.

— У этого красного есть мозги! Теперь в аэропорт, кабина номер пять, а потом автобусная остановка, номер шесть. Иди, я подожду.

Чак поставил машину на стоянке аэропорта. Маг вошла в зал ожидания.

Она не смотрела по сторонам, ей было наплевать. Подойдя к четвертой телефонной будке, она увидела, что оттуда вышел какой-то мужчина. Он был одет во все новенькое. Его длинные волосы поразили ее. Маг толкнула его — она ненавидела таких мужчин.

Маг вошла в будку и даже не закрыла за собой дверь — ей было все равно, смотрит кто-нибудь за ней или нет. Она сунула руку в коробку. Там было пусто! Она на мгновение опешила. Может, это не та будка? Она посмотрела на дверь. Это была будка номер четыре.

— Вы собираетесь звонить или прятаться здесь от дождя? — саркастически спросил ее какой-то мужчина.

Это был уже другой, хорошо одетый и выбритый тип, по всей видимости, подонок. Маг ненавидела их всех, с этаким выражением всезнайства на лице. Она быстро вернулась к машине.

— О'кэй? — спросил ее Чак.

— Нет.

Его руки разжались.

— Что?

— Ты сказал — номер четыре?

— Да... ты слышала!

— Там пусто.

У Чака вытянулось лицо.

— Ты хочешь меня надуть, глупая крыса?

Маг швырнула сумку ему на колени.

— Смотри. Не веришь, так пойди туда сам. Там пусто!

Чак вернул ей сумочку обратно.

— Вернись и проверь, может, это ошибка.

— Иди сам.

Он ударил ее кулаком по колену. Боль была нестерпимой, они прикрыла лицо руками.

— Иди туда! — рявкнул он.

Маг вышла из машины и вернулась в зал. Она прихрамывала, боль была слишком сильной, чтобы так быстро успокоиться. Почти все будки были заняты. Теперь ей было все равно, что с ней будет.

Не сознавая, что делает, она распахивала все двери подряд, не заботясь о том, есть ли там кто-нибудь или нет, совала руку в коробку и шла дальше.

Что-то было такое в ее сверкающих глазах и белом, как мел, лице, что у людей перехватывало горло и они не возмущались.

Чтобы проверить все будки, она потратила пять минут. Она уже стала привлекать всеобщее внимание, но конверта нигде не было.

Здоровенный мужчина в сомбреро и с сигарой в зубах звонил по телефону, когда она вошла в его будку и наклонилась над коробкой.

— Крошка, что потеряла? — он широко улыбнулся ей.

— Не тебя, найденыш, — грубо ответила она и, повернувшись, пошла к машине.

— Ничего, — ответила она на вопросительный взгляд Чака.

— Черт! В чем дело? Может, кто-то взял деньги до тебя?

Маг стала растирать ноющее колено.

— Не знаю.

— Тебе наплевать, да? Глупая, вонючая кошка!

Маг ничего не сказала. Она откинулась на сиденье, сжала руками колено и закрыла глаза.

У автобусной остановки Чаку было негде поставить машину.

— Иди в номер шесть. Я вернусь.

Чак отъехал, и она вошла в здание.

В будке номер шесть была девушка, и Маг поняла, что ей придется подождать. У этой девушки было каменное лицо и длинные волосы, а ногти покрыты голубым лаком. Она была великолепно одета: разговаривая, она помахивала рукой с тремя алмазами на кольце.

Маг смотрела на девушку, а та, заметив этот взгляд, перестала махать рукой. Было что-то такое в спокойствии Маг, стоявшей в грязном свитере, затасканных джинсах и с грязными волосами, что смутило эту девушку. Наконец, она повесила трубку и, обойдя Маг, вышла из здания.

Маг вошла в будку и окунулась в облако дорогих духов. Найдя конверт, она вышла наружу. Молодой парень в свитере яичного цвета и белых шортах, со спадающими до плеч волосами улыбнулся ей.

— Ищите сокровище?

Было время, когда ее приводили в восторг такие ребята. Теперь она видела в них только секс и неприятности. Она не стала отвечать. Она знала таких чистых, богатых, романтических и привлекательных...

Она отдала конверт Чаку. Он только сказал:

— Заберем вещи и в Лос-Анджелес.

Они поехали в город. Чак положил конверты в карман.

— Давай, укладывай вещи, да побыстрее!

Нервничая, он поглядывал на часы. Было 12.45. Две тысячи долларов лучше, чем ничего. Они вошли в дом. Жирный индеец сидел на своем месте. Повернувшись, он смотрел, как они поднимаются по лестнице.

Две тысячи долларов и машина! Этот Тохола и не заикнется о ней в полиции. Они уедут, уедут!..

Маг чуть задержалась.

— Ну, чего ты встала?

Чак открыл дверь в их комнату.

Тохола сидел на кровати и ел апельсины. Увидев Чака, замершего в дверях, он бросил корки на пол, и его глаза сверкнули.

— Сколько ты сорвал, Чак?...

Террел окончательно решил, что Тохола и Палач — одно и то же лицо. Террел вызвал Джека Хатчи, единственного индейца-семинола в полиции города. Он работал в картотеке и был известен своей феноменальной памятью.

Террела интересовали эти двое — миссис и мистер Джек Аллен, как было записано в журнале регистрации Берты. У Тохолы должен быть обязательно напарник. Террел решил искать "бьюик" и проверить дешевые отели, комнаты и стоянки. Найдя их, можно будет отыскать и Тохолу.

Позвонил сержант Теннер.

— В чем дело?

— Тут дама. Хочет с вами поговорить. Мисс Матильда Добей. У нее что-то важное.

— Ты спросил, в чем дело?

— Да... она говорит, что это не мое дело.

— Хорошо. Приведи ее.

Он взглянул на Бейглера.

— Под матрасом, в комнате, мы нашли следы оружейного масла — там прятали винтовку. Это наша птичка!

Вошла маленькая дама, лет семидесяти. Она была аккуратно одета во все черное. Но зато у нее были белые, как снег, волосы и голубые глаза.

— Вы начальник полиции?

Террел тепло улыбнулся ей.

— Да, мисс Добей.

Он пододвинул стул. Она взглянула на него с одобрением.

— Я еще не так стара, но все равно, вы очень любезны.

— Чашку кофе?

— Нет, мне еще надо работать. Я должна приготовить обед мужу. Он обо мне беспокоится.

— С чем вы пришли к нам?

— Я только что из аэропорта. Провожала внука. знаете ли...

— Да, мисс Добей, знаю

Одним из достоинств Террела было его терпение, и это делало его очень хорошим начальником полиции.

— Вы звонили его родителям, чтобы они встретили парнишку, да?

— Да, да. Я подошла к одной из телефонных будок аэропорта и потеряла, вернее, уронила свою мелочь. И когда... когда наклонилась за ней, я увидела этот конверт в коробке. Может, мне не стоило его открывать?

— А что было в конверте?

— Много-много денег.

— Дайте мне конверт, мисс Добей, я вам выдам расписку.

— Мне нужно к мужу, домой, варить обед. Прошу вас, не задерживайте меня...

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Тохола вытер руки о штаны и спросил:

— Сколько?

Он был так спокоен, что Чак, войдя в комнату, все еще не нашелся, что ответить индейцу. При виде индейца, сидящего на постели, его словно ударили по голове. Десять минут назад он представлял себе шикарную поездку в Лос-Анджелес вместе с Маг и двумя тысячами долларов в кармане. Это неожиданное появление индейца подавило в нем всякую охоту к сопротивлению.

— Сколько? — повторял индеец.

Чак наконец пришел в себя. Заподозрил ли Тохола что-нибудь? Он взглянул на индейца, но его бесстрастное лицо ничего ему не сказало.

— Один из них не заплатил, — хрипло сказал он.

Маг вошла в комнату и двигалась так спокойно и просто, что у Чака зачесались ладони от желания стукнуть ее как следует.

— Ты думаешь, я поверю в это?

Чак облизнул губы.

— Спроси ее... она собирала.

— Я спрашиваю тебя.

Чак достал из кармана конверты. Они были потные и мятые.

— Один не заплатил... в аэропорту. Я послал ее обратно. Она проверила все будки.

— Аэропорт! Хансен... ну что ж, заплатит как миленький!

Пересчитав деньги, Тохола отдал Чаку сто шестьдесят один доллар. Еще пять он отдаст ему завтра.

— Вот список. Похоже на дойную корову, а? — сказал Тохола.

— Да, — уныло ответил Чак.

Чак посмотрел, как индеец прятал деньги в карман.

— Они все будут платить. Они все напуганы.

Тохола вышел, а Маг тихо спросила:

— Мне собираться?

Чака взорвало.

— Завтра мы поедем опять.

— Правда?

Он глянул на нее. Маг смотрела в окно. Лицо ее закрывали волосы, но голос ее заставил Чака вздрогнуть. Он понял, что у него никогда не хватит духу самому идти в будки и собирать конверты. Чак никогда не заставит себя сделать это. Он даже вспотел от мысли о полиции.

Список на завтра был такой:

Аэропорт, номер два.

Автобусная остановка, номер четыре.

Железнодорожный вокзал, номер один.

Отель "Эксельсиор", номер два.

Отель "Алден", номер шесть.

На этот раз он сюда не вернется! Все, хватит! Они соберут все конверты и уедут. Он сделал ошибку, засхав за вещами.

— На этот раз мы не вернемся сюда, — сказал он Маг. — Больше он о нас не услышит, слышишь, крошка!

Маг повернула голову.

— Ты не очень сильный, а, Чак? — тихо пробормотала она. — Я думала, ты сильный. Как я ошиблась, глупая! У меня теперь ничего нет. Даже меньше, чем ничего.

— Ты разделишь со мной две с половиной тысячи долларов! Этого тебе мало? — злобно сказал Чак. — Завтра мы будем далеко. Ты соберешь их в последний раз, правда?

Маг смотрела в окно. Он оторвал ее от кресла. Его горячие, мокрые от пота, пальцы стиснули Маг и стали трясти ее.

— Мы завтра уедем, и ты сделаешь это... Слышишь?! Тварь!

— Сделаю, — и потерянное выражение ее глаз заставило Чака отпустить ее. — Почему я должна о чем-то беспокоиться, если ты мой счастливый билетик?

Пока они говорили, Тохола прошел к жирному индейцу в коридоре. Того звали Оунда. Его толстое и плоское, как блин, лицо скрывало за собой преступную, со многими пороками жизнь. Он много значил в темном мире. Оунда имел даже свой счет в Швейцарском банке, являлся главой банды поставщиков ЛСД. Он также контролировал сто двадцать шесть индейских проституток, которые платили ему четверть со своих доходов. Он также имел дело с мафией и получал два процента от продажи фруктов. Кроме того, он получал один процент от доходов фабрики мыла, где работали индейцы.

Оунда хорошо зарабатывался и не собирался вылезать из своего укрытия. Он был счастлив, сидя здесь, в темном коридоре, ковыряя в зубах и мысленно подсчитывая свои барыши. Деньги шли ему отовсюду. Они были для него тем же, что картины Пикассо для любителя искусств: у вас она есть, вы ей владеете, наслаждаетесь и вы счастливы.

Оунде нравился Тохола. Он знал, что этот парень опасен, но жить в этом мире, не имея зубов, просто глупо. Он знал, что Тохола — Палач, он вообще все знал о преступном мире его города. Ему нравилось грабить.

Оунда знал, что Тохола чуть тронутый. Ну и пусть! Чокнутые тоже люди, и они делают великие дела. Каждый парень, чекнутый или нет, которому пришла в голову идея напугать богатых людей, а потом собирать с них деньги, мог надеяться на его одобрение.

Тохола прошел к нему, и Оунда встретил его с улыбкой.

— Мне нужен пистолет.

— Какой?

— Хороший. Тридцать восьмого калибра, автоматический.

— Он стоит денег. Они у тебя есть?

— Я заплачу сотню долларов.

Оунде нравились мужчины, которые его не боялись. Тохола был одним из этих немногих.

— Подожди.

Он достал из стола пакет, и Тохола сунул его в карман. Оунда покачал головой, увидев деньги.

— Он мне ничего не стоил. Почему он должен стоить

что-то тебе?

— Я плачу за то, чего хочу, — спокойно сказал Тохола и вышел на улицу.

Оунда перестал улыбаться, смотря на сотенную бумажку. Он верил, что с деньгами никто не должен расставаться, если этого не нужно. Это было его кредо.

Оунда поскреб себе пятку. Может, этот парень глупее, чем он о нем думал?...

Террел хлопнул себя по колену:

— Теперь мы знаем, в чем причина! Это куда серьезнее, чем то, что старая карга обозвала его "нигером". А скольким клубменам он послал это? Они платят ему и молчат!

— Я их не виню, шеф. Это очень тонко придумано. Мы ведь не дали им уверенности, а он был на высоте, а?

Террел кивнул.

— Я поговорю с Хансеном. Мы будем его охранять. Он заплатил, но Тохола не получил [illegible] и может ему отомстить. Поставь наших людей по всему клубу и проверяй каждого индейца.

Но они опоздали. Тохола успел ударить первым. Убить Хансена не составляло большого труда. Конечно, риск был, но Тохола был готов к нему.

Было 14.30, когда в клубе кончался ленч, а слуги-индейцы сидели в подвале на кухне и закусывали. Члены клуба были на верандах, а остальные вернулись к себе в конторы. Тохола все это знал. Он знал также и то, что в это время Хансен отдыхает у себя в кабинете на кушетке, минут сорок.

Тохола появился у служебного входа одновременно с двумя взмокшими детективами, которые вошли через парадный вход. В это время Террел был еще в нескольких милях от клуба, тормозя у одного из светофоров на красный свет.

Тохола медленно двигался по полутемному коридору, прислушиваясь к различным доносящимся до него звукам. Он надел на себя белый передник, который снял с вешалки в туалете и спокойно прошел мимо открытой двери в кухню. На него никто не взглянул. Проходя через бар, Тохола увидел у дальней стойки своего отца, который мыл грязные стаканы с тем терпением и покорностью, которые всегда злили Тохолу.

Он немного помедлил, глядя на старика, ему хотелось сжать его в объятиях, но он понимал, что не может позволить себе этого, и поэтому прошел дальше.

Двое клубменов сидели в креслах с сигарстами в зубах.

Никто из них не обратил внимания на обезьяну в переднике. Он был им безразличен, как муха на стекле.

Тохола дошел до комнаты Хансена, ни разу не обернувшись, чтобы посмотреть по сторонам. Повернув ручку, он вошел в комнату. Хансен сидел за столом. Обычно в это время он спал, но сейчас, видимо, был слишком напуган, чтобы предаваться блаженству. Мир ополчился против него!

Хансен поднял голову и, увидев индейца в белом переднике, нетерпеливо махнул рукой.

— Я не звонил! Уходи. Что это такое, заходить...

В этот момент он узнал Тохолу и рухнул в кресло.

Индеец поднял пистолет, чуть улыбнулся и спустил курок.

Первая пуля оставила красное пятно на крахмальном воротнике рубашки Хансена. Вторая угодила в рот, разнеся в дребезги вставные челюсти. Третья выбила мозги Хансена на ковер кабинета.

Так, лежащим на ковре, и нашел его Террел, когда десять минут спустя прибыл в клуб...

Бейглер примчался в клуб к Террелу, на ходу вытирая пот. Ему досталась информация, пресса и корреспонденты. Для него это было слишком, и Бейглер потерял голову.

— Они, эти зануды, называют нас "ключи от неба" и говорят, что мы забыли в пещере волшебное слово: "Сезам, откройся!"

— Да бог с ними!

Террел только что говорил с мэром, который бился в истерике. Когда Террел был уверен в себе, ничто не могло смутить его. Он налил Бейглеру кофе и протянул чашку.

— Завтра у нас будет куча зануд-газетчиков, шеф, — сказал Бейглер, стараясь придать своему голосу уверенность и прийти в себя. — А сегодняшние телеповости!

— Ты сказал, что у нас нет следов?

— Да.

— Сколько их там?

— Рвутся шестеро.

— Впускай.

Лепски, Якоби и еще четверо лучших работников вошли в кабинет.

— Садитесь.

Через несколько секунд, пораженные спокойствием своего начальника, они уселись.

— Вы знаете все, что происходит у нас. Вы читали рапорты. Нам нужен Тохола, и приведут к нему эти Аллены,

которые работают на него. У нас есть их описание, они не знают, что за ними следят, их будет легко задержать. У прессы ничего нет, они заявят, что мы — ослы, и эти, там в темноте, полезут на свет, а это нам и нужно. Никто из тех, кто заплатил Тохоле, не даст нам нужных сведений. Их много, но убийство Ханссна поразило их, как громом. Ханссн заплатил, но эти деньги взял другой, и вот Ханссн мертв. Сама идея — собирать деньги — очень умна. Если бы у нас не было их описания — а они не знают об этом, — мы были бы бессильны, но теперь час настал. Они использовали будку в аэропорту и, зная, что за ними не следят, могут использовать ее еще раз. Но не берите их, только следите за ними. Наверное, деньги берет девушка. Увидев ее, проследите за ней, они могут быть опасны все трое. Связь будете держать по радио с Лепски. Понятно?

Все кивнули.

— Вперед, мальчики!

...Следуя приказу, они обшарили все будки. Джек Хатчи первым нашел конверт. Он немедленно позвонил Терреллу и срывающимся голосом радостно гаркнул:

— Нашёл! Будка номер два!

Террел перевел дух. Его догадка была верной!

— Хорошо. Уходите из аэропорта и сидите Лепски.

Лепски сидел в машине.

— Лепски! Джек нашел конверт, — селектор урчал и трясся. — Следите, Том! Теперь дело за вами!

Лепски потрогал кобуру своего 38-го и, включив селектор, буркнул:

— О'кэй! Все в порядке!

Выйдя из машины, Лепски стал подниматься на второй этаж, где сидели его люди. Оттуда, с галереи, ему прекрасно была видна будка номер два.

— Прошу прощения, сэр, но вы не можете здесь оставаться. Здесь могут находиться только работники аэропорта.

Лепски обернулся. Перед ним стояла маленькая, хорошенькая брюнетка в желтой блузке и черной мини-юбке авиалинии Парадиз-Сити. Он долго пялился на нее, в особенности на ее красивые ноги, а когда она наконец хихикнула, он снова превратился в полицейского.

— Кто здесь начальник?

Он показал ей на значок. Минуту спустя Лепски сидел за стеклянной перегородкой, держа свой селектор включенным и глядя на будку номер два.

Ждать Лепски умел. Это была полицейская работа. Прошло четыре часа. Периодически они проверяли конверт, он был на месте.

Лепски сменил Якоби. Он вытянулся на раскладуш-

кс и стал думать о стюардессе. Ему приснился сон: длинноногая стюардесса убегала от него по песку, и он был влюблен в нее...

Лепски был так разочарован, что проснулся...

Первое, что сделал Чак после завтрака, так это проверил машину. Он залил полностью бак и осмотрел шины. Ведь после того, как они соберут деньги, ему предстоит дальняя дорога! Он покончит со всей этой историей!

Он думал, что станет делать, когда деньги кончатся. Но зачем думать о каком-то далеком будущем? Чак всегда жил сегодняшним днем.

Чак решил, что аэропорт оставит напоследок, оттуда в Лос-Анджелес прямая дорога.

Он приказал Маг повернуть его у рынка. Вдалеке у причала Чаку было видно целое море яхт, моторок и катеров. Народ валом валил на пляжи. Почесав нос, Чак закурил. Он никогда не читал газет и не слушал радио. Он жил в своем собственном мире. Чак ничего не знал об убийстве Хансена и о шуме, поднятом по этому случаю в прессе.

"Доить корову! — опять подумал он и снова почесал нос. — Вроде непохоже, но может оказаться, что коровка с норовом!"

Он подумал, как поведет себя индеец, когда узнает, что коровкой-то оказался он сам!

Подошла Маг и села в машину. Она была одета в белую безрукавку и поношенные джинсы, волосы падали ей на спину густыми прядями.

Чак старался держаться уверенно и твердо, но страх выдавал его. Он не верил, что Тохола сейчас торгует апельсинами. Его глазки-щелочки всегда искали кого-то в толпе.

Маг ничего не сказала, и он угрюмо посмотрел на нее. Она казалась спокойной, и пальцы ее не дрожали. Это вдруг разозлило Чака. Он вдруг понял, что ей все равно. Это уже было опасно. Когда тебе все равно, то ты не обращаешь внимания на опасность. Он понял, что копы обязательно обратят внимание на ее волосы.

— Как только мы получим деньги, сразу уедем. Поедем в Лос-Анджелес, там хорошо! — убедительно сказал Чак, чтобы как-то заинтересовать Маг.

Она опять промолчала, смотря в окно, и ему захотелось снова ударить ее, причинить боль, унизить. Но сейчас это делать было нельзя.

Чак вспомнил прошлую ночь. Он желал ее, она лежала как мертвая. Чего бы он с ней не проделывал, ее ничто не зажигало, и, когда наконец желание покинуло его, он скатился с нее, потерпев поражение.

Чак решил, что просто пресытился ею. Он бросит ее и уедет, так же как уедет и от индейца. Он остановится на

дороге, когда она соберет деньги и они покинут город. Остановив машину, он просто вытряхнет ее вон... Чак подумал, что с деньгами она не пропадет, а он сам сможет найти себе такой пончик, который не будет тупо лежать, когда он будет покусывать ей соски...

— Алдон-отель, номер шесть, слышишь?

— Да, — равнодушно ответила она.

У каждого полицейского в городе была только одна инструкция: не арестовывать, а доложить. Поэтому, когда коп увидел грязный "бьюик", он сразу насторожился. Он узнал пассажиров, так как выучил их описание наизусть. Остановить машину и арестовать их — как ему этого хотелось! Фотографию полицейского напечатали бы во всех газетах, но мысль о Бейглере охладила его пыл, и он включил свой передатчик.

Получив информацию, Бейглер поднял патруль. Погоня началась.

— Вот она, — сказал Хори, и они поехали вперед.

"Бьюик" следовал впереди, и оба полицейских хорошо видели Чака и Маг. Машина впереди резко затормозила. Они попали в пробку.

— Господи! Проклятье! Единственный выход — включить сирену, — сказал Хори, глядя вслед удаляющемуся "бьюику", который ехал на несколько машин впереди и успел проскочить раньше их светофор. — Мы их упустили!

Он доложил Бейглеру о ситуации.

Уверенный, что за ними не следят, Чак сворачивал направо и налево и наконец остановился у отеля.

— Валяй, крошка!

Маг вошла в отель и достала конверт из будки номер шесть. Потом они поехали в "Эксельсиор", и Маг снова взяла конверт. Видя, что пока все идет хорошо, Чак тяжело перевел дыхание. Они подъехали к железнодорожному вокзалу.

"Господи! — сказал про себя Чак. — Это действительно все равно, что доить корову! Тысяча долларов! Еще три остановки, и мы отваливаем!"

Патруль доложил, что они потеряли "бьюик". Бейглер не отрываясь смотрел на карту города и сообщил патрулю возможные направления, куда бы мог поехать Чак и Маг.

Но Чак снова поехал боковыми улицами, минуя все патрули. У вокзала не было остановки, и Чаку пришлось все время ездить, пока не вернулась Маг. Это его тревожило, так как машину мог задержать какой-нибудь вредный коп... И тут он увидел, что Маг уже ждет его. Заливаясь потом, он подъехал к ней.

— Ну, ты заставляешь себя ждать! — рявкнул Чак, пока Маг влезала в машину. — Взяла?

Маг отдала ему конверт.

— Фу-у! — Чак вытер лицо рукавом. — Только подумать — полторы тысячи долларов! Теперь едем дальше!

Потом Маг вылезла из машины и прошла к автобусной остановке. Будка номер четыре была занята. Молодая женщина лет тридцати, как раз такого типа, который Маг ненавидела больше всего — замужняя, с дешевой стрижкой, в несвежем костюме и каких-то дурацких бусах. У нее, конечно же, есть дома ребенок, и она говорит про него, что он чудовище, что ребенок сделал ее несчастной. Она замужем за занудой, который говорит только о деньгах и гольфе и до чертиков боится, что потеряет работу.

Маг ненавидела эту женщину и ее смех — смех гусыни — он долетал до нее сквозь стеклянную дверь, словно кряканье. Теряя терпение, Маг открыла дверь, отодвинула женщину в сторону, вынула конверт, взяла его и спрятала в сумочку.

— Что это такое? — женщина разинула рот от удивления.

— Бодай себя, гусыня! — сквозь зубы ответила Маг и пошла к машине.

— Порядок? — спросил ее Чак.

Она только посмотрела на него.

Чак выдохнул воздух.

— Две тысячи! Что с тобой? — проорал он, высовываясь на дорогу. — Можешь объяснить мне?

Она ничего не ответила, лишь повернула голову в противоположную от него сторону и стала смотреть в окно кабины.

Нет, скоро он от нее отделается. Она такая же чокнутая, как и индеец! Но какое дело Чаку до них. Если даже там не будет конверта, у него уже есть две тысячи! Можно шикарно устроиться и с этими деньгами!

В аэропорт они прибыли в 12.45. Чак остановил машину на стоянке. Он чувствовал запах собственного пота.

— Последний раз, бсби! Давай, давай!

Маг вошла в здание. В это время Чак в машине вскрыл конверты. К его ногам посыпались деньги. Доить корову! Собирать клубнику! Какое роскошное дело!

Сосчитав деньги, он бросил конверты на заднее сиденье.

"Вот здорово! — думал он. — Давай, давай, вонючая крыса! Я сматываюсь отсюда".

Потом он подумал, что когда выедет за город, то откроет дверцу и вышвырнет на дорогу эту вонючку. Он представил себе, как она будет стоять, грязная, на дороге и смотреть ему вслед. Здорово! Это будет роскошно!...

Лепски заступил на дежурство в 10.00. Конверт все

ще был на месте.

— Мы можем сидеть тут год, — Лепски вытянул ноги.

Якоби пошел было за кофе, но тут включился Бейглер. Он сказал, что женщина и мужчина, но не индеец движутся к аэропорту.

Это уже был сигнал. Лепски поднял своих людей. Якоби первым заметил Маг, когда она пошла к телефонам. Потом ее засек Лепски и изучающе посмотрел на нее — высокая девушка, длинные ноги, белокурые волосы, грязная, с перепуганным лицом и слегка сутулится. Теперь Лепски был абсолютно уверен, что это и есть та самая.

Он включил передатчик:

— Как будто явилась! Белый свитер и голубые джинсы. Она в будке, ее не брать, только следите!

Девушка уже шла к выходу, помахивая сумкой. Лепски ворвался в будку, конверта на месте не было! Он пошел следом за Якоби, повторяя про себя: "Да, это та самая!"

Лепски снова включил передатчик:

— Это она! Выходите на улицу! Следите. "Бьюик" номер 55789. Перекройте Южную дорогу!

Водители патрулей знали свое дело. Шесть машин перекрыли выходы из города. Это была их работа. Три патруля следовали за "бьюиком" на всякий случай, если бы он задумал вернуться в город.

— Поехали, — сказал Лепски...

Дэвид Джаксон лег вчера и проснулся сегодня по-прежнему пьяный. Этим утром ему нужно было встречать мать в аэропорту, она прилетала из Нью-Йорка. Он любил мать, но теперь, когда он так набрался вчера, — кой черт несет ее в город? Но мать была ему нужна, она была для него подспорьем и сглаживала острые углы между ним и папочкой, который имел пятнадцать миллионов, давно хотел лишить его наследства, а эта мысль не приводила его в восторг.

Он вылез из кровати и решил по крайней мере встретить мамочку, что бы это ему не стоило. Добравшись до своего белого "ягуара", он сел на сиденье и отхлебнул глоток коньяка. Голова стала ныть как будто меньше.

Взглянув на часы, он понял, что мамочка припорхнет через пятнадцать минут. Джексон помчался вниз по бульвару, потом по набережной, идиотски ухмыляясь в пространство. Выехав из города, он прибавил газу, машина рванулась вперед. Было 12.45, такое время показывали часы Джексона. Когда едешь со скоростью сто десять миль в час — нехорошо поднимать глаза от дороги и уж совсем смертельно смотреть который час.

Длинное рыло "ягуара" врезалось в бок грязного "бьюника", когда тот выехал на дорогу. Другая машина, не останавливаясь, врезалась ему в радиатор. "Ягуар" перевернулся в яркой вспышке пламени. Дэвид Джексон-младший умер раньше, чем пламя добралось до него.

Чак увидел несущийся на него "ягуар", но сделать уже ничего не мог. Он почувствовал удар, и на него, точно шрапнель, посыпались куски стекла.

От удара тело Чака выкинуло на дорогу, и он лежал в луже крови, понимая, что это кровь его. Но даже теперь он не мог не думать о деньгах, несмотря на боль и страх смерти. Он даже ухитрился подняться. Не думая ни о чем, он шагнул к машине и потянулся к деньгам.

Как красная змея, река горящего бензина из "ягуара" накинулась на "бьюик" в тот момент, когда окровавленные пальцы Чака схватили деньги. Бензобак "ягуара" загорелся и взорвался, Чака подбросило в воздух, и то, что осталось от него, размазалось по шоссе, под колесами подъезжающих машин...

Лепски вдруг увидел струйку крови в седых волосах Хатчи и услышал выстрел. Быстро повернувшись, он заметил, как кто-то пошевелился на одной из крыш лавочек.

Лепски вытянулся и быстро выстрелил в это что-то.

— Он там! — крикнул Лепски. — Сюда!

С этими словами он бросился вперед и поскользнулся на апельсиновой корке... Он рухнул на месте, на него тут же навалился Шилде.

Лепски был хороший стрелок, и, если бы не апельсины, вопрос с Тохолой был бы уже закончен. Его пуля отколола кусок штукатурки, который попал Тохоле в глаз, и он начал кровоточить.

Оставляя кровавые следы на стенах, Тохола добрался до Оунды. Сунув кровавый платок в карман, он вошел в дом.

Оунда сидел в сломанном кресле, положив руки на колени. Он разговаривал с Майати. Увидев Тохолу, Оунда не улыбнулся ему как обычно.

— Ты попал в беду, парень. Майати тебе скажет.

— Белый умер?

— Да.

— Машина?

— С ней конец.

— Девушка?

— Я довел ее до рынка. Она ушла.

Тохола раздумывал. В глазах у него стояло белое пламя. Искать девушку? Он весь затрясся от ярости.

— Уйди!

Майати вышел.

— Ты должен уйти, Тохола. Так получилось. У тебя была хорошая идея... а тут эта авария — не повезло!

Блестящими безумными глазами Тохола смотрел на Оунду.

— Мне нужна тысяча долларов!

Увидев его глаза, Оунда понял, что попал в ловушку. Он подумал о пистолете в верхнем ящике стола, в четырех ярдах от того места, где он стоял. 45-й калибр! Как он ему теперь нужен! Он гордился этим пистолетом, часто его смазывал и протирал.

— Если у меня есть такие деньги, то ты их получишь. Мы друзья с твоим отцом.

— Не говори о моем отце! Дай мне эти деньги!

Тохола достал пистолет. Оунда кивнул, поднялся и пошел к столу. И тут он почувствовал дуло пистолета у себя между лопатками. Он понял, что проиграл.

— Вот деньги, бери!

Тохола схватил толстую пачку денег и пошел к двери. Оунда, все еще чувствуя опасность, стоял на месте.

— Помни, Тохола, твой отец и я — друзья, — говорил он сладким голосом, незаметно открывая ящик стола.

Тохола обернулся, и Оунда увидел безумие в его глазах. Он уже протянул руку к револьверу и нащупал его холодную рукоятку, но безумный взгляд Тохолы словно заколдовал его, и он не смог сделать последнего движения, чтобы выхватить пистолет и выстрелить в Тохолу. Нужные секунды были упущены.

— Друзья?! — тихо сказал Тохола и нажал на спуск.

Звук выстрела эхом откликнулся по дому и вылетел на улицу. Схватив пистолет Оунды, Тохола бросился на улицу.

Услышав выстрел, на аллее появился детектив Хори. Увидев Тохолу, детектив заколебался — тот это или не тот? Когда он заметил в руках незнакомца оружие, было уже поздно: пистолет полыхнул огнем, и детектив получил рану в левую руку.

Однако Хори нашел в себе силы ответить выстрелом на выстрел, ранив индейца тоже в руку.

Слепо тыкаясь в кювете, Тохола побежал вперед. Боль в руку выбила его из колеи. У него была одна мысль — темнота, как можно быстрее спрятаться в темноту. Он вбежал в какой-то дом и стал подниматься по лестнице. Навстречу ему открылась дверь, и из нее выглянула индианка. Он заткнул ей рот и втащил в комнату.

— Перевяжи! — приказал он.

Она кивнула, в ужасе глядя на его болтающуюся руку. Пуля Хори разбила Тохоле плечо...

Майати не ушел прочь, как велел ему Тохола. Он боялся за хозяина. Услышав выстрел, он понял, что боялся не напрасно. Распахнув двери, он увидел мертвого Оунду и кинулся к черному ходу. Тут он опять услышал выстрелы — Тохола и Хори палили друг в друга.

Майати бросился бежать по аллее и наткнулся на пытающегося подняться Хори. Если бы Тохола не убил Оунду, Майати не выдал бы его ни за что, но, убив его, Тохола предал сам себя и потерял охрану и помощь индейцев.

Майати подбежал к Хори. Лепски и Энди в это время прыгали с забора. Лепски успел перехватить пистолет Энди, которым тот целился в Майати.

— Не тот! — Он нагнулся над Хори. — Как ты?

Тот покачал головой.

— Он побежал туда!

— Сэр, — сказал Майати, — он в доме у Маниопи, племянницы Оунды. Я покажу вам.

Лепски решил, что индеец отвлекает его, чтобы выиграть время для Тохолы. Он-то знал, что индейцы тут держатся друг за друга.

Майати понял мысль Лепски.

— Он убил моего хозяина. Он чокнутый! Его надо поймать! Он там!

— Вперед, ребята! — скомандовал Лепски.

Узкая лестница со следами крови вела наверх. Лепски доложил Террелу обстановку.

— Держи его там, я хочу взять его живым, — сказал Террел.

Девушка уже заканчивала перевязку. Тохола поднял голову и увидел над кроватью большое распятие. Он поморщился, вспомнив, как отец водил его к мессе... запах цветов, свечек и лицо отца, когда он вставал на колени и крестился.

— Мой дядя, вернее, дед, Оунда. Иди к нему, он всем помогает, — сказала девушка.

— Твой дед?

— Да. Иди к нему, он всем помогает.

Тохола вдруг почувствовал, что сходит с ума. Он уже не верил, что усилием воли сможет подавить это чувство. Опять в мозгу это белое облако! И опять...

Зачем он убил Оунду? Он знал: стоило его только хорошо попросить и Оунда спрятал бы его в темноте...

Тохола тряхнул головой. Это конец! Ему уже никто не поможет...

Десятая ступенька лестницы была гнилой. Девушка знала об этом и никогда не наступала на нее. Тохола как-то автоматически тоже перешагнул через нее, но Лепски не

повезло. Ступенька сломалась у него под ногой со страшным шумом и грохотом. Тохола вздрогнул и поднял свой пистолет. Лицо его было мокрым от слез, боли и пота. Он бросил деньги Оунды на постель.

— Я устал, мне плохо... Это твои деньги. Бери. Твоего деда я убил. Это все твое...

Лепски стал слушать.

Девушка-индеанка никогда не видела столько денег.

— Это мое, вся пачка?

Она не слушала, что отвечал ей он, она завороженно смотрела на деньги.

— Да... я убил Оунду. Бери все и убирайся!

Она схватила пачку и выскочила в коридор. Ей немедленно зажали рот четыре мужские руки.

Тохола стал смотреть на дверь. В голове его стояла какая-то мешанина... отец... Мартина... клуб...

Болела голова. Он увидел вдруг, что на него смотрит Христос с распятия и взгляд его был укоризненным... Не понимая, что делает, Тохола сунул дуло пистолета в рот и нажал на спуск...

— Ищешь кого-нибудь?

Маг вздрогнула и подняла голову. Она сидела на пляже, рядом с ней была кем-то забытая удочка, воткнутая в песок. Маг думала о том, что у нее нет денег. Назад, где были ее вещи, идти нельзя: там Тохола. У нее осталось только то, что было на ней.

Она потеряла свой счастливый билетик, ну и пусть! Надо найти другой, который даст тебе все, что нужно. Пока ты согласна лежать на спине и молчать, тебя всегда возьмет кто-то...

Маг увидела рядом с собой парня.

"Какой гаденыш!" — подумала она.

Он был высоким, болезненно худым, с клочком бороденки и в очках. Он носил такие толстые линзы, что был похож на лягушку. На талии болтался ковбойский пояс, у него чуть не спадали от худобы штаны.

"По крайней мере у него должны быть деньги, — подумала она, — он вымытый! А у таких деньги есть!"

Маг улыбнулась ему.

— Откуда ты появился?

— Тебя увидел. А ты такая печальная. — Он потрогал свою бороденку, словно надеялся, что она ее заместит. — Ты одна, а?

У него был мягкий, совершенно бесхарактерный голос. Маг была разочарована: это был гаденыш в чистом виде, на него нельзя было положиться! А она надеялась

найти столб, на который можно было опереться! Но выбирать не приходилось.

— Да, одна, — дружелюбно ответила она.

— Может, я сяду рядом?

— Пожалуй!

Он уселся.

— Я Маг-Линз. А ты?

— Маг...

— Просто Маг?

Она кивнула.

Маг смотрела на море, где плыла белая яхта с загорелым парнем. Вот с таким бы!

— Ты на каникулах?

Она вернулась на землю.

— Что?

— Ты на каникулах, крошка?

— А ты?

— Нет. Я вчера потерял работу. Я хочу куда-нибудь уехать.

Маг почувствовала к нему какую-то симпатию.

— Значит, как и я...

Он посмотрел на нее. Быстрый, скользящий взгляд. Но она уже знала, что он заметил ее длинные ноги и высокую грудь. Как все просто, господи! Все мужчины скоты!

— Я хочу уехать в Джексонвил. У меня есть машина, там достану работу, — он снова посмотрел на ее большие крепкие груди. — Поедем вместе, а?

— Поедем...

Она не колебалась. Он опять потрогал свою бороденку и как-то обмяк.

— Где твои вещи?

Теперь она смотрела на него. Совершенно безвольное лицо, тонкие, костлявые руки, острые коленки... А вдруг он сексуальный маньяк? Потом пожала плечами и подумала: "Сексуальный маньяк становится опасным только тогда, когда ему сопротивляются. Все равно отсюда надо уехать".

— У меня ничего нет, — сказала она беззаботно. — Ни денег, ни платьев, ничего...

Он рассмеялся, а потом сказал:

— Неправда. У всех девушек кое-что есть! Пошли!

Он повел ее к подержанному "РТ-4". Сев в машину, он спросил ее:

— Я хочу спать с тобой. А ты?

Маг знала, что это так и будет и, представив себе, как этот... гадина возьмет ее, брезгливо передернулась.

— У тебя есть деньги? — спросила она.

— А что?

— Это ты поймешь потом.

Затем она увидела себя в зеркале и поморщилась: пугало какое-то! А волосы!

Маг открыла сумочку в поисках расчески и там увидела конверт, который она не успела отдать Чаку. В груди у нее запрыгало сердце. Пятьсот долларов! Она теперь может быть свободной! И могла любить и жить как ей захочется! Теперь ей не придется лежать под ним, пока он будет стонать и выть, вскарабкавшись на нее... Пятьсот долларов!

Маг распахнула дверцу.

— Эй! Куда ты?

— Куда угодно, только подальше от тебя, гаденыш!

Потом, сидя у воды, она трясущимися пальцами открыла конверт.

Денег там не было. Хоть у одного из членов клуба "Пятидесяти" была отвага! В конверте была записка на роскошной бумаге:

"ИДИ ТЫ К ЧЕРТУ, ЗАНУДА!"

Маг с проклятьем подняла к небу сухие глаза...

Оформление
Корректор И

Сдано в на
Н×108/32.
Цена 3 р. 7

СП «Совит-

Отпечатано
«Красный г
ская, 16.

Джеймс Хэдли Чейз
Хотите остаться в живых?

Оформление художника В. В. Сурикова
Корректор И. В. Шаховцева

Сдано в набор 28.08.90. Подписано в печать 26.09.90. Формат 84×108/32. Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 7 л. Цена 3 р. 75 к. Тираж 250 000 экз. Зак. 1234.

СП «Совит-турс«.

Отпечатано с готовых диапозитивов в Ордена Ленина типографии «Красный пролетарий». 103473, Москва, И-473, Краснопролетарская, 16.

Совместное советско-итальянское предприятие "СОВИТ-ТУРС" предлагает Вашему вниманию широкую гамму услуг: поставки, закупки, коммерческую деятельность по следующим главным направлениям:

— проектирование и поставка оборудования для производства овощных и фруктовых консервов;

— осуществляет поставку оборудования для обработки картофеля, производства колбасных изделий, мясных консервов, для забоя скота, переработки отходов скотобоен, разведения и переработки рыбы пресных водоемов, переработки молока;

— "СОВИТ-ТУРС" предлагает станки для обработки дерева, для обработки керамики, оборудование для разработки мраморных и гранитных карьеров, средства малой механизации для строительства работ, передает технологию и производство электромоторов для электробытовой техники;

— "СОВИТ-ТУРС" — это поставка нового оборудования для переработки табака и производства сигарет;

— "СОВИТ-ТУРС" оказывает практическую и консультативную помощь советским и зарубежным предприятиям, имеющим прямые производственные и научно-технические связи;

— "СОВИТ-ТУРС" содействует заинтересованным фирмам и организациям в налаживании и развитии деловых контактов с советскими государственными, кооперативными организациями и учреждениями;

— "СОВИТ-ТУРС" осуществляет широкую издательскую деятельность;

Советско-итальянское предприятие "СОВИТ-ТУРС" располагает высококвалифицированными кадрами, способными оперативно решать поставленные задачи. Финансовое обеспечение "СОВИТ-ТУРС" ограничивается только Вашими пожеланиями.

Заявки и деловые предложения по реализации Ваших планов мы хотели бы получить по адресу:

125130, г. Москва, ул. Зои и Александра Космодемьянских,
д. 31, к. 2, комн. 418; тел.: 459-32-51

СОВЕТСКО-ИТАЛЬЯНСКОЕ ПРЕДПРИЯТИЕ "СОВИТ-ТУРС"

PHOTOS BY ANDREY G AKA DONUT190